

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ВРАГ МОЙ —
ДРУГ МОЙ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Враг мой – друг мой

«Автор»

2008

Самаров С. В.

Враг мой – друг мой / С. В. Самаров — «Автор»,
2008 — (Спецназ ГРУ)

Полковник спецназа ГРУ Василий Раскатов, отправившись на очередное задание, попал в плен к боевикам. И надо же такому случиться: в банде оказался Умар Атагиев – бывший майор ВДВ, который однажды спас Раскатову жизнь. Так же он решил поступить и в этот раз – уговорив главаря банды Мовсара Байсарова отдать пленника ему, отпустил Раскатова на свободу. Но вскоре банду обезвреживают, и теперь в плену оказывается Умар. Движимый желанием помочь Умару, Раскатов оказывается перед тяжелым выбором – совесть воина вступила в противоречие со служебным долгом...

© Самаров С. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1	5
1. ЗАСАДА НА ПЕРЕВАЛЕ	5
2. ТРИ ЗВЕЗДЫ НА ПОГОНЕ...	10
ГЛАВА 2	16
1. «Я НЕ ОБЯЗАН ПОСТОЯННО ТЕБЯ СПАСАТЬ...»	16
2. УСИЛЕННАЯ БОЕВАЯ ЕДИНИЦА	22
ГЛАВА 3	28
1. ВОСПОМИНАНИЯ НА МИННОМ ПОЛЕ	28
2. ЭТО НЕ АФГАН, ЭТО ЧЕЧНЯ...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Враг мой – друг мой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

1. ЗАСАДА НА ПЕРЕВАЛЕ

Где-то вдалеке плакали шакалы. Целым хором... Шакалы всегда плачут, как дети: очень пронзительно, жалостливо, с многовековой обидой на весь белый свет, и слышно их далеко... Вообще-то, уже давно их, кажется, не было слышно... Шакалы большей частью в степях живут и редко близко к голодным горам приближаются. Здесь владения волчьи... Что волк добудет, тем и сыт, и объедков шакалу не оставляет, потому что сам всегда голоден. Но иногда, как умные люди говорят, популяция слишком уж сильно увеличивается, и тогда наиболее слабых гонят подальше. В данном случае, подальше – это напрямик в сторону гор, потому что больше некуда. В противоположную сторону шакалы не ходят, потому что там людей много, там города, а вокруг городов голодные собаки, которые еще страшнее людей, они многому от тех самых людей научились...

А люди не любят плач шакала. Люди самих шакалов не любят за назойливость и трусость, за неприглядный внешний вид – облезлые, издерганные блохами бока и всегда поджатый хвост. Шакалы – жители равнин. А горцам волки ближе и понятнее... Только в отличие от волков люди на шакалов внимание обращают больше. Волк только одним рыком шелудивого прогонит и тем доволен останется. А люди в надоеду порой стреляют... Но тоже не всегда... Иногда бывают ситуации, когда стрелять нельзя...

Как сейчас...

– А я в прошлом году шакалу в бок очередь дал, – говорит Хамзат, – все кишки вывалил... Он упал и давай свои кишки жрать... Фу, мерзость какая... И как Аллах их терпит...

– Пусть сегодня подкормятся... – довольно заметил эмир Мовсар. – Солдатскими кишками... Мы им сегодня пир устроим... Мне не жалко...

Джамаат¹ Мовсара Байсарова занял склон неподалеку от перевала, там, где молодые елки растут среди больших камней, прямо над предпоследним поворотом дороги. Последний поворот в серпантине, как и предыдущие, не имеет над собой такого возвышения, удобного для засады и атаки, и одновременно сложного для контратаки с дороги. Тому, кто попадет здесь в ловушку, выбраться будет практически невозможно. Вверх навстречу выстрелам не проврешься – крутизна... Сразу за дорогой обрыв, с которого лететь будешь так долго, что успеешь всех родственников поименно вспомнить и проститься... Путь только по дороге: хоть вверх, хоть вниз, но все равно без возможности укрыться...

¹ Джамаат – боевая единица в незаконных вооруженных формированиях на Северном Кавказе. Согласно циркуляру, составленному еще Хаттабом, каждый джамаат должен иметь возможность действовать самостоятельно, для чего должен включать в себя командира (эмира), разведчиков, снайперов, пулеметчиков, минометчиков, минеров, связистов, санструкторов и проч. Такие джамааты насчитывали от десяти до пятнадцати человек. Обычно отряды полевых командиров разбивались на несколько джамаатов. Позже понятие джамаата стало иметь более широкое применение, может обозначать и целую банду, и вообще вполне законное общественное или религиозное объединение.

– Шакалы сюда не поднимутся... – сказал Умар Атагиев, почесывая заживающее ухо – месяц назад шальной пулей пробило. Сейчас рана зарубцевалась, остался только заметный белый шрам, а само ухо навсегда, похоже, сделалось розовым. – Они крутизны боятся, лапы у них так устроены, что ползать любят, но не скакать с камня на камень... Да и на выстрелы не пойдут... Внизу повоюют с голодухи, а подняться не рискнут...

– На выстрелы они как раз и ходят... – не согласился эмир. – Они знают, что там пожить смогут... Умные бестии...

– Это не ум, это жадность... – стоял на своем Умар, который вообще брезговал даже смотреть на шакалов. Слишком на многих людей они походили своим поведением. Людей, которых даже вспоминать не хотелось. – А жадность никого до добра не доводила. Кто много отдает, к тому все само приходит, весь мир приходит, а кто на золоте сидит, кроме золота ничего не видит... От блеска сильно жмурится...

Только один Умар во всем джамаате и смел вслух не соглашаться с эмиром. Он по возрасту старший, и голову имеет седую, и человек уважаемый. И Мовсар никогда на Умара не сердился. И даже обращался к нему всегда, когда совет требовался, и совет всегда получал. Мовсар когда-то был старшим лейтенантом милиции и даже не в Чечне служил, а в Ростове-на-Дону. Воров ловить он умел, хотя и не любил. А воевать пришлось, когда то ли сам из ментов ушел, то ли погнали его за что-то. Приехал в Чечню, и обстоятельства так сложились, что автомат в руки взял. А потом и вообще стал эмиром джамаата... На этой «должности» Мовсар больше характером брал. Он, еще будучи ментом, власть почувствовал и до сих пор любил ее чувствовать. Но на войне одной властью не много сделаешь. И приходилось к Умару обращаться. Умар был когда-то майором ВДВ, в Афгане воевал, а после ранения инвалидность получил. Но военное дело понимал и совет дать мог всегда. И, что тоже важно, что, может быть, для Мовсара Байсарова важнее всего другого, в командиры не лез, хотя общим уважением пользовался и при желании всегда мог занять место эмира...

– Едут... – сказал Астамир Атагиев, младший сын Умара. У Астамира слух тонкий, не зря музыкой в детстве занимался, и каждый звук он издали слышит. Пусть скрипачом Астамир и не стал, хотя преподаватель в музыкальной школе говорил когда-то Умару, что способности у его сына уникальные, но он стал хорошим часовым и отличным наблюдателем. – Далек еще... Только-только к подъему подобрался...

– Ждем... – как-то даже радостно, с возбуждением откликнулся эмир. Глаза его, как обычно перед боем, горели. – Ждем их...

Эмир любил бой и в бою всегда был хорош. Может быть, он самым лучшим воином в джамаате был, как и полагается эмиру. Иначе что же он за эмир и откуда тогда взятая уважению со стороны бойцов, тем более когда рядом есть другие, достойные уважения. Но Умар, хотя и отличался умением, хотя и обучить других мог, для полноценного боя уже не очень годился по причине возраста. Да и здоровьем был обижен. Не зря его из армии по инвалидности уволили: контузия позвоночника – это не шутка... Да и энергией, желанием воевать сравниться с Мовсаром он не может. Умар свое отвоевал, отвоевал хорошо, о чем его боевые награды говорят, а теперь время других пришло... А единственное слабое место эмира Байсарова как командира Умар умел восполнить своим опытом: когда требовалось спланировать операцию, выбрать место, просчитать все варианты, то без помощи старшего Атагиева Мовсар обойтись не мог. Он сам это хорошо понимал, и потому Умар Атагиев был в джамаате на особом положении.

– К первому повороту подошли... – сообщил Астамир. – Поворачивают медленно... Вообще едут медленно...

– Они опасаются там засады... – сказал старший Атагиев. Со знанием дела сказал. Он заранее предупреждал, что внизу федералы будут опасаться засады.

Сам Мовсар никогда бы не выбрал такое место для внезапной атаки. Он всегда предпочитал прятаться так, чтобы издали заметить приближение противника, а не ловить короткий момент его появления... Чтобы стрелять, заранее выбрав цель, а не искать эту цель второпях... Можно было бы там, внизу, засаду устроить... Конечно, там противнику и обороняться удобнее, и плотным огнем на плотный огонь ответить можно. Но, как считал Мовсар, если сразу плотность огня довести до предельной интенсивности, федералы ничего предпринять не сумеют. Они испугаются... Они в панике будут метаться... А при испуге, при панике, когда голова ни у кого не соображает и только ищешь место, которое, как кажется, может тебя спасти, сложно организовать оборону.

Там, внизу, дорога проходит через густой, кустами сплошняком поросший ельник... Из ельника, из кустов, оставаясь невидимым, стрелять очень даже хорошо... И все цели выбрать можно заранее, пока машины не подошли еще на расстояние выстрела. Но Умар Атагиев решил, что федералы засаду будут ждать и в ельник въедут медленно, уже ошестившись пулеметами, как дикобраз иглами, и на первый же выстрел сами ответят плотным огнем. И, как ни хороши ельник и кусты для засады, отходить через них под огнем почти невозможно. Да еще вверх отходить... Густой ельник идет до середины склона. Четыре поворота предстоит сделать колонне в ельнике. Потом ельник станет реже, а еще через два поворота вообще перейдет в молодой, растущий среди камней. Там федералы расслабятся. Нет кустов, в которых может скрываться засада. А засада, по мнению Умара Атагиева, вовсе и не должна скрываться в кустах. Она может за камнями прятаться и не видеть колонну. Только один наблюдатель должен видеть... Или слышать... А потом все вдруг поднимаются из-за камней, и – все начинается...

Умар если и не всегда, то часто использовал музыкальный слух сына во время операции. Дан человеку Аллахом дар – надо этот дар использовать, чтобы Аллаха не гневить... Так считал... И использовал... И сейчас Астамир говорил о передвижении колонны так, словно видел происходящее глазами:

– Прошли второй поворот... Чуть добавили скорость...

* * *

Астамир слышал и читал про динозавров, но в свои двадцать восемь лет, из которых он двенадцать воюет, с настоящими динозаврами ни разу не встречался. И потому он звал динозаврами всю бронетехнику федералов. Танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты – все они для него были динозаврами, свирепыми, тупыми, страшными в своей ярости. Он не боялся войны, как всякий горец, и потому мог во время войны даже позволить себе игру... Он представлял себе, что жили когда-то на Земле и люди, и динозавры. И динозавры могли бы раздавить всех людей, если бы сумели. Но победили люди. Они не такие слабые, какими кажутся. И Астамир представлял себя человеком, борющимся с динозаврами. Когда думаешь, что не в самом деле воюешь, а играешь, бой вести легче. Кажется, что любой эпизод можно будет потом оспорить или переиграть. Тогда и быть убитым не боишься...

– Два грузовика, как обычно, и один «динозавр»... – доложил Астамир. – «Динозавр» идет первым...

– Какой? – спросил отец.

– Бронетранспортер... «Восьмидесятка» – движок дизельный...

Дизельные двигатели, которые по звуку можно отличить от бензиновых, ставят только на более современные БТР-80. На стареньких БТР-70, привычных Умару Атагиеву еще по Афгану, стоят два бензиновых движка, каждый на две колесные оси. Сын все это собственными стараниями и стараниями отца знал прекрасно.

– Накладка, значит, вышла... – сказал Умар. – Вместо БМП идет БТР...

Знал разницу между БТРами и БМП даже эмир. И потому сразу отреагировал:

– Руслан... – позвал Мовсар минера. – Смотри внимательно. Если на БТРе сетка, взрываешь его... С машинами и так справимся... Они на этой дороге не развернутся...

– Понял, эмир...

Руслан сидел за большим камнем, готовый сжать пальцами два провода, чтобы замкнуть контакт электрического взрывателя фугаса, установленного под камнем у дороги. Аккумулятор стоял здесь же, рядом, и использовался минером в качестве подставки для локтя. Руслан любил небрежные позы, когда производил взрыв, бравировал этим, сам перед собой и перед другими «рисуюсь», и уж локоть обязательно всегда на аккумулятор ставил. Так, словно он с великим комфортом воевал...

– Завгат, ты в этом случае переключайся на последний грузовик... Если сетки не будет, все по первоначальному плану...

– Понял, эмир...

– Гранату сменить успеешь?

– Не успеет... – за гранатометчика решил Умар. – Пусть в бензобак стреляет...

В последнее время на «восьмидесятках» стали ставить заградительные сетчатые экраны, предохраняющие от кумулятивных гранат. Граната взрывается, не долетая до БТРа, и не причиняет ему большого вреда. Такая кумулятивная граната и стояла в «РПГ-7» Завгата. И использовать ее силу необходимо было с толком.

Первоначально предполагалось, что с колонной машин поедет боевая машина пехоты, как было в прошлый раз и как было неделю назад. И потому планировалось БМП пропустить, а фугас взорвать под последней машиной, где сидели солдаты. С БМП же справился бы гранатометчик. Их в джамаате два. Если бы первый допустил промах, чего вообще-то не бывает, выручил бы второй. Потом и крупнокалиберный пулемет бы подключился. Но сейчас пулемету следовало дать другую работу.

– Анзор, переберись левее... Работаешь сразу по второму грузовику... Можно дать очередь в двигатель первого... И по кабине... Можно вообще только по кабине... Вывернуть он все равно не сможет... Смотри, в тент не стрелять... Вообще кузов не трогать... Никому... Ни тент, ни борта... Анзор, по кабине... Потом по второму... Плотно...

– Понял, эмир...

В джамаате был только один крупнокалиберный пулемет китайского производства. Его приходилось даже по ходу боя часто перенаправлять с одной цели на другую, чтобы добиться большего эффекта. В отличие от всех китайских товаров, о качестве которых даже в лесах Чечни, далеких от всех базаров, слышали, пулемет был безотказным. Хорошо и то, что к нему подходили патроны калибра 12,7 от российских аналогов. Единственный недостаток – пулемет, как ни странно это выглядело, имел несколько блестящих никелированных деталей, словно предназначен был для глупой выставки. Эти детали по предложению Умара Атагиева закрасили обычной масляной краской. Но краска быстро стиралась, и потому красить приходилось часто. Когда находишься в засаде, блестеть ничего не должно...

* * *

Теперь уже звуки двигателей слышали все. Они тяжело гудели на одной низкой ноте, хотя высота перевала была не такая уж и впечатляющая. Но это, должно быть, потому, что оба грузовика поднимались на перевал на второй передаче, а она всегда басистая. Перевал затяжной, машины в армии старые, двигатели изношенные, да и не слишком берегут их солдаты, которым только бы свой срок службы отъездить. Потому начинают подниматься на перевал на третьей скорости, потом вынужденно переходят на вторую, поскольку на третьей грузовики глохнут.

Бронетранспортер же шел ровно и уверенно: должно быть, двигатель у него был новее и лучше. Башенная пулеметная установка, способная работать в качестве зенитки, смотрела

круто вверх², на склон, как раз туда, где устроилась засада. Стрелок-наводчик, видимо, постоянно контролировал окружающий его враждебный мир и готов был начать стрельбу в любой момент. Сюда же, в сторону склона, смотрели и шесть гранатометов, смонтированных на задней части башни. Но эти гранатометы боевикам не угрожали, поскольку они предназначались для устройства дымовых завес и стреляли только дымовыми гранатами.

Пока еще всем выглядывать было незачем. Мало ли – случайный взгляд какого-то солдата, и все пойдет насмарку. Выглянули только Байсаров, Умар Атагиев и Руслан. Но Руслан даже не выглянул, он только через плечо посмотрел в щель между высокими камнями.

– Есть экран... – отметил Умар. Несмотря на возраст, остроту зрения отставной майор еще не потерял.

– Руслан, твоя работа... – сказал Мовсар.

– Понял, эмир...

Вот теперь Руслан повернулся к камням лицом, хотя и не встал с места, а только при-встал. Ему в щель хорошо было видно, как бронетранспортер подходил к камню, под которым был заложен мощный фугас, изготовленный Русланом собственноручно из нескольких мин и артиллерийских снарядов. Яму под фугас копали несколько человек, потом по крошечке и по камушку пальцами выбирали все, что упало на дорогу и могло демаскировать заряд. Но устанавливал фугас Руслан уже один. Мера безопасности лишняя, как сам он считал, потому что жизнь он любил и делать неосторожные движения не намеревался. Тем не менее остаться рядом во время закладки желающих не нашлось. Но камень на фугас опять несколько человек ставили, потому что одному такой камень не поднять...

– Все готовимся! – подал команду Мовсар.

Вот теперь уже можно было всем двадцати восьми бойцам джамаата высунуться из укрытия и приготовиться к стрельбе. Уже невозможно было что-то изменить, даже если бы кто-то оказался очень наблюдательным и заметил засаду...

* * *

Метры казались километрами, а секунды часами...

Астамир начал считать эти секунды и метры, то есть километры и часы, задолго до того, как эмир дал команду готовиться. Просто дорога там, внизу, была уже так хорошо изучена, что наложить на нее звук двигателей не составляло большого труда. Астамир представил картину происходящего. Он мог ошибиться в мелочах, но не мог ошибиться в целом. Ни на метр ошибиться не мог...

«Динозавр» шел первым, и шел уверенно, словно своим видом предлагая грузовикам последовать его примеру, чтобы быстрее преодолеть этот опасный участок, который был уже почти преодолен. И совсем чуть-чуть осталось, совсем немного, только два поворота совершить, и тогда откроется перевал. Там уже, на спуске, засады можно не ждать. На спуске никто не устраивает засады, потому что сверху тому, кто спускается, эту засаду будет сразу видно... Правда, на спуске можно фугасы устанавливать. И даже лучше их устанавливать на спуске, потому что там уже у водителей внимание слегка рассеивается и они не так пристально смотрят за опасными участками дороги... Но все равно – спуск психологически менее напряжен, чем подъем, и перевала всегда ждут с нетерпением. Это и автомобильных колонн касается, и людей, которые на перевал поднимаются, потому что перевалов без дорог гораздо больше, чем перевалов с дорогами. И сколько уже таких перевалов пришлось преодолеть Астамиру за эти

² Угол подъема ствола крупнокалиберного пулемета «КПВТ» калибра 14,5 и спаренного с ним пулемета «ПКТ» калибра 7,62 равняется шестидесяти градусам. Это дает возможность пулеметам вести зенитный огонь по целям на дальности до тысячи метров, используя при этом зенитный оптический прицел «1ПЗ-2».

годы, начиная с девяноста четвертого, когда он ушел вместе с отцом, которого тогда позвал Джохар Дудаев. Ушел, чтобы начать воевать... И с тех пор воюет...

Не каждый день, конечно... И не сразу, как ушел с отцом, потому что генерал Дудаев позвал отставного майора разведки воздушно-десантных войск, чтобы тот обучал военной грамоте молодых ичкерийских командиров. Вместе с этими командирами и Астамир учился... Но сам командиром не стал... Потому что отец не стал... Не захотел... Как может захотеть этого сын...

У отца вообще к этой войне отношение странное, и он сам, кажется, не всегда понимает, что делает, что хочет делать, а чего делать не хочет... Сын заметил, например, что отец редко набивает магазины своего автомата патронами... Для кого-то чужого это, возможно, и осталось бы незаметным, а для Астамира, который был всегда рядом с отцом, не осталось... И появилась догадка, верить в которую не хотелось. Но хотелось присмотреться... И потому в эту засаду Астамир устроился неподалеку от отца и чуть выше... Чтобы видно было...

– Все готовимся! – прозвучала команда.

Астамир приготовился, но периферийным зрением все же наблюдал за отцом.

2. ТРИ ЗВЕЗДЫ НА ПОГОНЕ...

Полковник Раскатов хорошо чувствовал свою роль попутчика, к тому же навязанного приказом сверху, и не стал сгонять с командирского места старшего прапорщика Лошкарева, потому что командовать во время сопровождения транспортной колонны должен тот человек, который именно для этого и предназначен. Негоже было бы полковнику спецназа ГРУ взять на себя функции командира конвоя, да никто ему таких полномочий и не давал. И потому Василий Константинович просто заставил потесниться солдат конвоя, заняв место у одного из окошек-бойниц, сейчас закрытых тяжелыми бронированными кругляшками-занавесками. Место, кстати, самое удобное – около бокового люка для десантирования. Там, по крайней мере, есть где ноги вытянуть.

Солдату пришлось на полу устроиться. Жестко, но три часа можно и потерпеть. Смешно было бы, если бы солдаты сидели на сиденьях, а полковник у их ног на полу. Это даже сами солдаты понимали, наверное...

– Тебя как зовут? – спросил Василий Константинович солдата, которому неудобства доставил.

– Рядовой контрактной службы Селиверстов, товарищ полковник... – не слишком весело ответил солдат, пытаясь встать там, где встать возможности не было.

– Сиди... А имя у тебя есть?

Бывает, что солдаты за время службы забывают свои имена.

– Владимир...

Раскатов переложил из кармана камуфлированного пухового бушлата пакет с документами в карман «разгрузки» и протянул солдату свой бушлат, поскольку солдаты по летнему времени носили соответствующую форму и бушлатов с собой не имели.

– Подложи, Владимир, все мягче будет...

Долгое молчание рядового было вызвано растерянностью.

– Спасибо, товарищ полковник... – сказал наконец Селиверстов.

В итоге солдат оказался даже на более мягком месте, чем его сослуживцы и даже чем сам Василий Константинович, чему рядовой несказанно удивился, потому что не привык к такой о себе заботе со стороны своих офицеров. А этот полковник из Москвы, что ехал к ним в часть разбираться по поводу инцидента, о котором в последние дни много говорили, выглядел довольно странно. К тому же был непривычно вежлив.

«Наверное, давно с солдатами не общался – штабной, потому и добрый такой», – решил рядовой контрактной службы Селиверстов...

* * *

Полковник Раскатов в самом деле ехал разбираться со скандалом, случившимся в воинской части, где временно занимал помещение под казарму и стоял на довольствии отдельный отряд спецназа ГРУ. Старший лейтенант Тихонов из спецназа ГРУ основательно избил капитана и майора мотопехотного батальона. Избитые офицеры, естественно, написали рапорт, и теперь Раскатову предстояло проявить чудеса дипломатии, чтобы дело не дошло до военной прокуратуры. Все-таки, когда младший офицер позволяет себе рукоприкладство по отношению к старшим офицерам, это из ряда вон выходящий факт. Тем более избиение было совершено в трезвом состоянии. Как-то так повелось, что пьяные драки вызывают меньше возмущения, чем трезвые разборки. Тогда обычно виновного, то есть обычно и всегда, младшего офицера, просто переводят служить в другое подразделение, и этим дело кончается. А когда драка случается в трезвом виде, дело, бывает, и до трибунала доходит.

По телефону выяснить подробности не удалось, потому что командир отряда спецназа ГРУ майор Макаров, представляя свою версию случившегося, разговаривал с командиром своей бригады из кабинета командира мотопехотного батальона подполковника Расько и всего сказать, наверное, не мог, иначе его потом могли бы вообще до этого телефона не допустить. Но рапорт избитых офицеров миновал командира бригады и попал из РОШ³ сразу в диверсионное управление ГРУ. И полковник Раскатов получил приказ выехать, чтобы «спустить дело на тормозах», и, если придется, спустить очень жестко, но в обиду своих не давать...

Что такое «спустить очень жестко», никто Раскатову не объяснил, но он и сам понимал, как это можно сделать. А давать своих в обиду полковник был не намерен даже в том случае, если старший лейтенант, обладатель добротных кулаков, оказался бы не прав, в чем Василий Константинович сомневался, основываясь на туманных фразах Макарова, которые передал командир бригады. Короче говоря, предстояло разбираться...

Приезда полковника Раскатова в штабе мотострелкового полка, к которому относился батальон, ждали с нетерпением и, как понял Василий Константинович, сами не желали, чтобы дело дошло до военной прокуратуры, но причин открыто не называли, мотивируя свою приветливость желанием все закончить мирно исключительно из уважения к военной разведке. В уважение полковник Раскатов верил, прекрасно зная, что в нынешние времена спецназ ГРУ – это не просто элитные, это самые боеспособные войска во всей российской армии. Но чувствовал в деле какую-то подоплеку... И его отправили разбираться, посадив на транспорт из батальона, что регулярно курсировал между отдаленным гарнизоном и полком...

* * *

Полковник, честно говоря, давно отвык ездить на бронетранспортерах. Он даже пытался вспомнить, когда ездил в последний раз, и выходило что-то около шести лет назад. Но в спокойной московской жизни, вернее в беспокойной московской жизни, потому что спокойной службы в спецназе ГРУ не бывает, всегда старался поддерживать себя в хорошей физической форме. И это была не привычка даже – это был образ жизни, и он Василию Константиновичу нравился.

³ РОШ – региональный оперативный штаб по проведению антитеррористической операции на Северном Кавказе.

БТР мягким транспортным средством назвать нельзя, хотя все же ехать в нем гораздо приятнее, чем в кузове грузовика. Несколько раз полковник поднимал круглую шторку, чтобы выглянуть из бойницы. Пейзаж кругом был один и тот же уже на протяжении больше чем часа, – сплошной густой ельник. Когда начался крутой подъем на перевал, полковник сразу почувствовал это, снова приподнял шторку. Он увидел широкий простор – холмистая, поросшая лесом местность уходила далеко, потом ельник редел, и дальше начиналась степная равнина с высокой травой и зарослями разнообразных кустов. Потом бронетранспортер круто повернул, и в бойнице появилась каменная стена. Иначе и быть не могло, потому что подниматься на перевал можно только по «серпантину». И с каждым поворотом будет меняться пейзаж...

Заскрипела над головой башня. Стрелок-наводчик переводил пулеметы на возможную цель. Все обычно, все выполняют свою работу...

* * *

Необычное началось вскоре после очередного поворота, когда вдруг показалось, что колеса начали «рыскают». Такое бывает с некоторыми машинами, джип «Рейнгер» самого Раскатова тоже имеет такую склонность, когда попадает на раздолбанная дорога и едешь по ней на высокой скорости, но с бронетранспортером такого быть не могло. Полковник успел это осознать за ту короткую долю секунды, которую это ощущение длилось. А когда появился тяжелый и весомый гул, заполняя все вокруг, начал искать рукой автомат. То есть он только подумал, что надо найти автомат, а потом сообразил, что автомата у него нет, есть только пистолет, но не в кобуре, а в кармане «разгрузки», надетой поверх бронежилета. Не мыслью, а осознанием за ничтожные доли секунды прошло в голове воспоминание, как он собирался ехать в повседневной форме одежды, но его отговорили, заставив и в полевую форму снарядиться, и бронежилет с «разгрузкой» надеть, мотивировав этот маскарад тем, что так в Чечне все ходят, а в одетых иначе стреляют снайперы, сразу вычисляя в них начальников. Это было разумно, и Василий Константинович послушался... Он уже сталкивался в своей службе с работой снайперов, когда был «добровольцем»-инструктором в сербской армии во время войны в Боснии. И не видел удовольствия в повторении ситуации, тогда закончившейся для него долгим отлеживанием боков в белградском госпитале.

И это была его последняя мысль. А потом его подбросило вместе с бронетранспортером, ударило обо что-то головой, и полковник потерял сознание...

* * *

– Вставай, старший лейтенант... – сказал голос с сильным кавказским акцентом, и что-то толкнуло его в плечо. – Проснись и вставай, не то пролежни на заднице будут...

Раскатов давно отвык от звания старшего лейтенанта. Он был старшим лейтенантом очень давно. И сейчас не сразу понял, что боевик просто издевается над ним – три звездочки на погоне старшего лейтенанта, и три звездочки на погоне полковника. Правда, звездочки другого размера, и погон у старшего лейтенанта с одним просветом, а у полковника с двумя, но на погоне полевой формы просветов вообще нет. Там и не погон, а погончик с тремя звездами...

Потом появилась мысль о том, что погоны у него были прикрыты бронежилетом и еще сверху «разгрузкой». И если кто-то рассмотрел погон, значит, должен снять с полковника и разгрузку, и бронежилет. Раскатов, так и не открыв глаз, пошевелил плечом, проверяя свою экипировку. Тяжести на плече не было. Значит, и разгрузку, и бронежилет с него сняли...

– Вставай... Я не буду долго ждать... – снова сказал чеченец.

Теперь уже удар ногой был более основательным и болезненным – в ребра.

Полковник не встал, а только сел и попробовал открыть глаза. Глаза открываться никак не хотели, он потрогал лоб рукой и почувствовал на лбу уже начавшую застывать кровь. Значит, разбил себе голову по время взрыва и кровью глаза залило, потому и не открываются. Василий Константинович думал об этом спокойно, потому что никогда не имел склонности к панике и в любой обстановке вел себя хладнокровно.

Глаза он все-таки открыл, помогая векам пальцами. И все увидел...

Он сидел у отвесной скалы прямо на дороге. Недалеко лежал на боку покореженный взрывом, но не загоревшийся, к счастью, бронетранспортер. Чуть дальше стоял грузовик с пробитой пулями кабиной и разбитым стеклом. В кабине упал на руль мертвый водитель, и еще двое – прапорщик и старший прапорщик – были там же в позах, в которых их застала смерть. Боевики разгружали эту машину, вытаскивая и складывая прямо на дорогу ящики и коробки с продуктами. Второй грузовик чуть дальше горел. Уже сгорел тент, и теперь догорал кузов с кабиной. Бензобак не взорвался, сразу увидел полковник опытным взглядом – бензобак очередь пробили, и бензин вытек, помогая машине быстрее сгореть. Людей в кузове второй машины видно не было. Впрочем, кажется, там никого и не было... Только несколько каких-то коробок забрасывали...

Больше повезло тем, кто находился в бронетранспортере. Обезоруженные, с опущенными головами, неподалеку от полковника стояли у каменной стены старший прапорщик Лошкарёв, рядовой Селиверстов и еще трое солдат. Вид у всех был соответствующий положению.

Только осмотревшись, полковник встал полностью. Голова кружилась, трещала, и во рту была сильная сухость. Но он шагнул к шеренге других пленников и встал с правого края, как и полагается старшему по званию. И только после этого посмотрел на бандитов.

Рядом с пленниками бандитов было только трое, двое стояли рядом, один, с ручным пулеметом, чуть в стороне. Василий Константинович сразу оценил положение не в свою пользу. Окажись тот боевик, что с пулеметом в руках, на четыре шага ближе, Раскатов смог бы показать, что такое офицер спецназа ГРУ в работе. Пусть и старший офицер, который уже по возрасту не имеет той подготовки, которую имеют более молодые. Сорок четыре года для спецназовца тоже возраст, но и в этом возрасте он остается спецназовцем. Полковник сумел бы обезвредить этих троих и захватить пулемет. Но боевики были, должно быть, опытными и пулеметчика поставили в стороне. Он оттуда за считанные секунды может всю шеренгу пленников «положить». Раньше, чем кто-то успеет до него добежать...

– Отдохнули, и хорошо... – сказал тот боевик, что заставил Раскатова подняться. «Должно быть, это был командир отряда или, как он у них называется... эмир джамаата, кажется». – Идите помогать машину разгружать... Потом решим, что с вами делать...

Седой высокий боевик почесал бороду и пошел впереди, словно дорогу показывая, хотя дорога и без того была ясна.

– Ящики со свиной тушенкой с обрыва сбрасывайте... – приказал эмир. – Остальное на дорогу... Не сбрасывать, а складывать...

С обрыва один за другим полетели сразу с десятков грубо сколоченных ящиков, в которых виднелись пол-литровые стеклянные банки практически с одним свиным салом. Такой тушенке эмир отвел место в пропасти справедливо, не мог не согласиться с ним Раскатов.

Ему подавали из машины другие ящики, и он, так же, как и пленные солдаты, как пленный старший прапорщик, ставил ящики и коробки рядом с машиной. Тент с бортов был сорван, и было видно, что кузов уже почти пустой. Разгрузка заканчивалась. Непонятно было только одно – как весь этот груз собирались нести боевики. На себе по горам все унести не смогут, даже если загрузят тройным весом пленных. Горы всегда остаются горами. По ним и без тяжести нелегко путешествовать, что вверх, что вниз...

– Отдыхаем... – сказал эмир, когда разгрузка закончилась. – Ваха, ты покури, потом посмотри, что нам надо... Это с собой заберем... – добавил, обращаясь к боевику со снайперской винтовкой в руках.

Василий Константинович сразу определил, что это «FR-F2», американская армейская снайперская винтовка. Оружие классом выше традиционных для Российской армии «СВД», «ВСС» и «ВСК-94»⁴, хотя тоже не самого высокого пилотажа. Тем не менее армейский разведчик работал в полковнике вне зависимости от жизненных обстоятельств, и он не мог не взять на заметку наличие в банде такой винтовки. Это уже говорило о снабжении из-за рубежа. И одновременно с разведчиком работал офицер спецназа. Раскатов не рыскал глазами по сторонам, но пытался периферийным зрением оценить обстановку. После такого боя где-то вполне может валяться оружие. Хоть кто-то из солдат должен был отстреливаться...

Но, похоже, не отстреливался никто. После гибели бронетранспортера никто не пожелал попробовать отстоять свою жизнь... А у новобранцев в сгоревшей машине вообще оружия, кажется, не было. Так что спецназовец не нашел ничего...

* * *

Пока отдыхали боевики, а они успели активно поработать до того, как в помощь им подогнали пленников, никто не заставлял что-то делать ни полковника, ни других. На них словно бы вообще внимания не обращали. Потом Ваха, тот боевик с американской армейской снайперской винтовкой, стал разбираться с грузом. Он уже, конечно, не стал к помощи своих прибегать и загрузил работой солдат, заставляя относить что-то в сторону. Но, в общем, набралась сравнительно небольшая партия груза. Должно быть, джамаат не страдал от недостатка продуктов питания. Это Василий Константинович тоже запомнил. По привычке, не зная еще, зачем ему может такая информация понадобится. И, уж конечно, успел всех боевиков пересчитать, и совсем не тыкая в каждого пальцем – двадцать восемь человек, большой джамаат, и снабжать его провизией было, несомненно, проблематично, особенно зимой... Обстановку в республике полковник знал хорошо и понимал, что столкнулся с необычным по нынешним временам бандитским формированием. Сейчас такому джамаату трудно будет даже спрятаться в горах от вездесущих федералов и еще более вездесущих «кадыровцев», имеющих в народе много «стукачей». Настоящие боевики знают хорошо, что лучше десять раз вступить в бой с федералами, чем один раз с «кадыровцами», потому что, попав в плен к федералам, угодишь на «зону», а попав в плен к «кадыровцам», останешься без головы – предавшие не знают пощады к тем, кого они предали... Но и с «кадыровцами» боевики поступают точно таким же образом – преданные тоже не прощают предательства...

– Вставай, старший лейтенант... – сказал эмир, посмотрев на часы. – Командуй погрузкой... Солдаты в твоём распоряжении... Ты, как раненый, можешь идти рядом...

Полковник сразу заметил, что часы тот носит «Командирские». Такие часто дарят офицерам от лица командования. Наверное, эмир только недавно снял часы с руки убитого офицера, потому что за короткое время смотрел на них несколько раз, словно любовался. Впрочем, он мог не любоваться, а время рассчитывать. Такой вариант тоже подходил, потому что эмир решил, видимо, что его джамаату пора в путь отправляться.

К удивлению Раскатова, в путь собрались только десять боевиков.

Солдаты разобрали груз без указки полковника – знали свою солдатскую участь даже в плену. Не так и много досталось на каждого, кстати. Бандитам тоже пришлось нагрузиться, причем Раскатов с удовольствием помог бы им в качестве носильщика, впрочем, не особенно

⁴ Типы снайперских винтовок Российской армии.

надежного. Они несли автоматы убитых и плененных солдат, а также два ручных пулемета, снятых с бронетранспортера.

– Вперед! – махнул рукой эмир. – Идем без остановок до места... И идем быстро...

Очень властный жест... Заметно, какое удовольствие получает человек от того, что ему выпало командовать. Василий Константинович таких людей знал. Как правило, не слишком умные, получившие хоть небольшую, но власть, они стремятся себя в собственных глазах возвысить, пользуясь этой властью. Обычно это свойственно ментам небольших чинов. Кто поумнее, тот, как правило, чинов больших достигает, и ему не надо самоутверждаться за счет других. А кто в себе не уверен, кто знает, что это его потолок, из штанов выскочить готов, лишь бы покомандовать...

Так начал складываться психологический портрет эмира. Раскатов не делал этого специально, просто профессионал-разведчик в нем работал постоянно, каждая деталь автоматически занимала свое место в общей картине.

Пошли по дороге вверх, к недалекому уже перевалу, оставив остальных ждать неизвестно чего. Должно быть, бандиты располагали информаторами, которые предупредили бы их об опасности, если бы такая была, потому и чувствовали себя спокойно. До наглости спокойно.

Чего, вернее, кого бандиты ждали, стало ясно уже на самом перевале, когда навстречу попала целая толпа местных жителей. Люди шли с мешками, несли какие-то ремни, чтобы крепить поклажу к плечам. Стало ясно, что эмир отдал лишний для себя груз землякам. Они рады и зачтут это эмиру, когда будет у них возможность заплатить долг. То есть всегда прикроют и предупредят. Ход хороший для обеспечения собственной безопасности. А остальные члены джамаата, те, что остались, – догадаться теперь было нетрудно – тоже местные жители, и ждали своих односельчан, чтобы вместе с ними нести груз домой. Джамаат большой только тогда, когда эмир собирает его. В остальное время его составляет только десяток бандитов...

– Иди, старший лейтенант, иди... Не задерживайся... – сказал седой бандит, с которым, как видел полковник, даже эмир разговаривал с подчеркнутым уважением.

– Я не старший лейтенант... Я полковник... – Раскатов решил прекратить издевки. Чувство собственного достоинства вместе с пленением он не потерял.

– Старший лейтенант Раскатов... – сказал седой боевик слегка задумчиво. – Старший лейтенант Раскатов...

Он сказал это совсем без акцента и сказал как-то знакомо. Василий Константинович посмотрел в это лицо, но боевик уже прошел мимо, и узнать его не удалось. Тем не менее даже в прямой спине чувствовалось что-то знакомое. Может быть, встречались в первую чеченскую войну? Но тогда полковник был подполковником, а не старшим лейтенантом. Старшим лейтенантом он был давно, очень давно...

ГЛАВА 2

1. «Я НЕ ОБЯЗАН ПОСТОЯННО ТЕБЯ СПАСАТЬ...»

С дороги свернули на середине спуска с перевала, прямо с очередного поворота «серпантина», там, где уже ельник был достаточно густым. Двинулись дальше без тропы, но уверенно. Ведущие знали дорогу, должно быть, хорошо. Но здесь, без согласия эмира, даже не спросив его, Умар Атагиев остановил джамаат командным окриком:

– Привал для всех... Отдыхать до особого...

– Не понял... – строго сказал идущий у Умара за спиной Мовсар и посмотрел на своего помощника с удивлением. Обычно в таких ситуациях старший Атагиев никогда не начинал командовать. Это в бою иногда он давал необходимую команду, если сам Байсаров с этой командой опаздывал, но в бою такое легко прощалось, потому что опыт отставного майора, в том числе и боевой опыт, давали ему на это право.

– Отойдем-ка в сторону... – предложил Умар хмуро.

Они отошли туда, где стоял только один Астамир Атагиев, тоже разглядывающий отца с легким удивлением. И сын не помнил, чтобы отец так вот властно начинал командовать и действовал вопреки приказу эмира.

– Что случилось?

– Я к тебе когда-нибудь с просьбой обращался? – спросил Умар, глядя на бывшего мента сверху вниз, благо рост позволял.

Мовсар слегка замялся от твердого тона отставного майора.

– Не помню... А что тебе надо?

– Мне этот полковник нужен...

– Полковник? – не сразу сообразил Мовсар.

– Пленник...

Пауза, взятая на раздумье, затянулась.

– Зачем он тебе? – наконец спросил эмир.

– Это мое дело... Он мне нужен...

Мовсар задумался. В принципе, он не думал даже о том, чтобы взять за полковника выкуп, потому что знал, как «прокальваются» именно на выкупах многие полевые командиры. Те, кто пытался сделать на этом бизнес, уже давно сгинули. Идти по их пути Мовсар Байсаров не хотел. Но пленники нужны были ему самому, и он никому еще не объяснял, зачем именно они нужны. И если сравнивать пленного полковника с пленными солдатами, то сравнение будет не в пользу четверых солдат и одного старшего прапорщика. Хотя, тут тоже ситуация тонкая, которая называется «палка о двух концах». Но сейчас просьба Умара чуть-чуть насторожила эмира. Уж не задумал ли отставной майор спасти офицера, чтобы тем самым заслужить себе прощение и благополучно покинуть джамаат. За те годы, что они провели вместе, Байсаров научился ценить опыт бывшего десантника и знал в глубине души, что без этого помощника стоит мало. Но в любом случае и помощник скоро ему не понадобится...

– Если ты скажешь, зачем он тебе нужен, я отдам его тебе...

– Скажу... – Умар угрюмо свел седые брови в одну серебряную линию. – Я хочу отпустить его... И потому остановил джамаат... Чтобы он даже направления не знал, куда мы идем... Я хочу, чтобы он был свободным...

– Отвечая на один вопрос, ты заставляешь меня задавать новые вопросы...

– Я знаю его по Афгану... Он мой должник... – своим ответом Умар новые вопросы пресек.

– Хочешь взять с него долг? – опять не понял эмир.

Умар объяснять не захотел. Кто ему должен и как с должником поступить – это только его дело. У каждого человека в жизни много личного, такого, о чем невозможно рассказывать другим. И чем старше человек, тем больше у него личных дел, никого, кроме него, не касающихся. Это даже Мовсар Байсаров знал.

– За много лет это первая моя просьба к тебе... Отдай мне полковника... – настаивал Умар тоном, которого эмир от него еще не слышал. В тоне не было угрозы, однако отчетливо прозвучало произнесенное слово «иначе». Что будет «иначе», эмир ни знать, ни слышать не хотел. Он очень боялся потерять Умара, особенно теперь, и боялся, что Умар произнесет слова, после которых их отношения окончательно испортятся, потому что он сам не сможет не принять вызов, который готов прозвучать. А если примет, все кончится, не начавшись...

Большие планы стоят больших жертв. А планы были у эмира серьезные. И помощь Умара Атагиева ему будет очень нужна.

Оглянувшись слегка растерянно, Байсаров все же принял решение. Он не захотел обижать старшего Атагиева и по серьезности разговора понял, что тот обиделся бы из-за отказа слишком сильно, чтобы и дальше им жить и воевать вместе. И терять Умара сейчас было нельзя, потому что заменить его было некем, все остальные не шли в сравнение...

– Делай с ним что хочешь, Умар... Ты слишком много для всех нас сделал, чтобы отказать тебе в таком пустяке... Он – твой...

– Спасибо, эмир... – это прозвучало радостно.

Умар один из всего джамаата всегда звал Мовсара по имени. И Байсаров позволял ему это. Сейчас Умар впервые назвал его эмиром. Значит, он в самом деле благодарен своему командиру.

– Мы с Астамиром проводим полковника. Поговорим по дороге... Вернемся сразу на базу. Не ждите нас...

Мовсар кивнул и быстро направился к своим людям, поднявшимся при его приближении.

– Эй, старший лейтенант... Быстро... Иди... Тебя ждут... – эмир кивнул в сторону долговзвой фигуры Умара. – Всем подъем... Двинули в темпе... Не терять время... Подгонять пленных...

– Я не старший лейтенант, я полковник... – опять затянул свою песню пленник, не понимая, что именно началось, но осознав, что в его судьбе что-то повернулось в непонятную пока сторону.

– Это ты с ним разбирайся... Он тебя так назвал... – Байсаров даже снизошел до объяснения, что с ним вообще редко случалось...

* * *

– Старший лейтенант Раскатов... – сказал седой высокий чеченец даже с каким-то укором. – Старший лейтенант Раскатов...

Ему, похоже, нравилось это произносить, хотя полковника такое понижение в звании не слишком радовало, и он видел в этом насмешку. Он смотрел прямо и с суровым недовольством и на седого боевика, и на стоящего рядом молодого, так на седого похожего лицом, только ни ростом, ни шириной плеч не дотянувшего до старшего. Очевидно было, что это отец и сын, может быть, старший брат с младшим братом, если учесть, что у кавказских народов семьи обычно бывают многодетными. Но это не разрешало вопросов, возникших в голове полковника.

– Пойдем... Пойдем, старший лейтенант... – сказал седой и повернулся к Раскатову спиной. Совершенно без боязни повернулся, как вообще-то не полагается поворачиваться к пленному противнику, тем более, к офицеру спецназа. Впрочем, у Раскатова не было на рукаве

«летучей мыши»⁵, и в документах, которые забрали боевики, не стояло действительное наименование воинской части, только лишь номерное обозначение, как во всех открытых документах. Седой боевик не мог знать, что имеет дело со спецназом ГРУ, поскольку уничтоженная колонна автомашин принадлежала мотопехотному батальону.

– Куда?

– На дорогу... Мы проводим тебя до низу... А там уж пешком иди...

– То есть? – спросил Раскатов чуть растерянно.

Умар обернулся и посмотрел полковнику в глаза. Долго смотрел... Полковник мог не узнать лицо, сильно изменившееся за двадцать шесть лет, но он узнал, кажется, именно глаза.

– Умар... – сказал полковник. – Умар Атагиев... Майор Атагиев...

Казалось, ноги полковнику повиноваться не хотели, и он остановился так резко, что идущий за ним по пятам Астамир Атагиев наткнулся на полковничью спину.

– Пойдем, пока Байсаров не передумал... – настаивал Умар. Он не улыбался лицом, но улыбался глазами, которые светились воспоминаниями. – У Байсарова есть дурная привычка брать свои слова назад. Пойдем... Я не обязан постоянно тебя спасать, запомни... Не обязан... Пойдем...

Полковник пошел послушно. Так, следуя друг за другом, они через пять минут вышли к дороге, где отставной майор с полковником встали рядом, а младший Атагиев остался чуть в стороне, не желая мешать отцу.

– Как ты здесь? – спросил Умар.

– Командировка... – коротко ответил Василий Константинович. Несмотря на такую неожиданную и даже взволновавшую его встречу, он вовсе не намеревался рассказывать о своих армейских делах человеку, который был его противником.

Умар все понял и усмехнулся чуть горько.

– Да, мы по разные стороны...

– И у... И нет возможности вернуться домой? – напрямик спросил полковник.

Ситуация легко читалась. Он не знал, как ему называть Умара. Когда-то он звал его на «вы» и «товарищ майор», как и полагалось старшему лейтенанту.

Старший Атагиев услышал заминку в предложении.

– Можешь говорить на «ты». Я не обижусь. Я уже отвык от «вы»... И начнем потихоньку спускаться. Нам с сыном еще засветло далеко идти... А тебе идти еще дальше... Ты спрашиваешь о пути домой... Нет у нас с сыном такого пути... С младшим сыном... Он со мной уже больше двенадцати лет... Два старших сына в Москве работают... Они не воевали никогда... Они учились деньги делать и, может быть, даже научились... Свой бизнес имеют... Они могут куда угодно идти и ехать... Если бы у меня был здесь, в Ичкерии, свой дом, они и сюда бы приехали. Но у меня уже давно дома нет. Они имеют право ехать... Потому что не воевали... А мы с младшим сыном – нет... У нас и бизнеса нет, у нас и дорога только одна... Познакомься, кстати...

Полковник остановился, обернулся и протянул руку. Младший Атагиев молча пожал ее.

– Его зовут Астамир... А это – Василий... Как тебя дальше-то?..

– Константинович...

– Василий Константинович... – сказал Умар. – Полковник спецназа ГРУ, если не перешел в другие войска... Ты как, тоже сыновьями оброс?

– Нет, у меня только две дочери... – ответил Раскатов. – «Бракодел» это раньше называлось... Но качественнее не получилось...

– Замужем?

– Только младшая... Старшая, похоже, и не собирается...

⁵ Нарукавная эмблема спецназа ГРУ изображает летучую мышь над земным шаром и имеет надпись: «Военная разведка».

Они оба замолчали. Им не о чем, казалось, было говорить. А если и было о чем, то ни тот, ни другой не решались разговор начать, понимая, что это может быть не так воспринято противоположной стороной.

– Ты объясни мне все-таки, Умар, – спросил наконец полковник, – в каком я сейчас нахожусь положении. В качестве кого я здесь вот стою, на этой дороге?

– Наверное, в качестве офицера...

– Пленного офицера? – пожелал уточнить Раскатов.

– Я же сказал тебе, что ты свободен...

Он вытащил из кармана кобуру с пистолетом, расстегнул клапан, руку на рукоятку положил, словно пробуя, как пистолет в ладонь ложится, и протянул полковнику. Потом из внутреннего кармана бушлата вытащил пакет с документами, повертел в руке и тоже отдал.

– Возвращаю... Это твое... Я специально сам сразу забрал, чтобы к другим не попало...

И остановился. Твердо остановился, как черту подвел...

– Я опять твой должник... – Раскатов положил руку на локоть отставного майора. – И в этот раз не меньший, чем в прошлый...

– Жизнь сама разберет, кто кому и что должен... Все... Иди... Мы будем возвращаться... Нам пора...

– Но ты поставил меня в неудобное положение... С точки зрения закона. Что я должен сделать, когда вернусь к своим? Я должен сказать, кто отпустил меня?

– Это меня не пугает... – сказал Умар. – У меня устоявшаяся репутация, и что-то добавится к ней, что-то убавится, это не решит ничего ни для меня, ни для Астамира...

– Это да... Но есть еще один вопрос, и очень серьезный... Ты сам служил в армии, пусть и в советской, а не российской, но и сейчас мало что изменилось. Ты должен понимать мое положение... У вас остались другие пленники... И я вынужден буду прийти за ними... И я не могу прийти, не предупредив тебя, иначе это будет с моей стороны предательством... Мне бы хотелось, чтобы ты ушел от своего эмира хотя бы на время...

– Отец, что он говорит! – воскликнул горячий Астамир, имеющий собственные представления о порядочности и воинской чести.

– Он говорит о реальных вещах, – ответил Умар. – Я понимаю, что ты вернешься за своими людьми... Это твое собственное дело... Даже скажу честно, я плохо подумал бы о тебе, если бы ты оставил их в плену... Но ты их не сможешь найти...

– Но я очень постараюсь... – сказал полковник. – Я умею стараться и прошел хорошую школу обучения уже после того, как мы с тобой в последний раз виделись...

– Старайся... Может, и получится... Если получится, спаси моего сына, как я дважды тебя спасал... Он не самый плохой человек...

– Отец!.. – возмутился Астамир.

– А сейчас – иди... – Умар на сына внимания не обращал, словно его и не было рядом.

Раскатов протянул руку.

– Спасибо тебе, Умар!

– Иди...

– Отец, его нельзя отпускать... – Астамир руку на автомат положил.

– Иди...

– Прощай...

Полковник повернулся и двинулся по дороге. Отец с сыном не стали ждать, когда он дойдет до ближайшего поворота. Стали сами взбираться выше, но не по дороге, а напрямую через ельник. Путь им предстоял неблизкий, потому что боевики никогда не проводят операции рядом со своими убежищами. И они торопились. Тем не менее, прежде чем исчезнуть в ельнике, Астамир Атагиев обернулся, чтобы посмотреть на уходящего полковника. Но не увидел. Астамир даже запрыгнул на высокий камень, однако полковник, должно быть, шел очень

быстро и уже оказался, наверное, за поворотом «серпантина». А все, что дальше поворота, выпадало из поля зрения молодого боевика...

* * *

И все же сын стремился догнать и оказаться рядом.

В густом ельнике идти рядом было практически невозможно, и Астамир то плечом отца касался, то оказывался в стороне, то с одного бока заходил, то с другого. Он явно пытался поговорить о чем-то с отцом, старший Атагиев понимал это, но разговора пока избегал. Умар долго не желал останавливаться, наоборот, быстрее шел, чтобы уйти глубже в ельник и подальше от дороги.

– Передохнем... – все же предложил Астамир, не выдержав.

Умар молча встал.

– Я знаю, о чем ты хочешь поговорить...

– Тогда ответь мне... Мне не с кем больше говорить... Я чувствую, что не все понимаю, но спросить мне не у кого...

– Ладно, – согласился отец, понимая, что разговор этот все равно неизбежен.

И сел на поваленный ветром ствол иссохшей молодой елки. Сын присел рядом на корточки и положил перед собой автомат.

– Отец, я присматриваюсь к тебе уже давно. Скажи мне, почему ты рожки к автомату почти не набиваешь?

Умар даже улыбнулся от такого вопроса. Наблюдательность сына ему понравилась. Да, и об этом, наверное, тоже стоило поговорить. Кто еще может сказать правду самому родному существу, самому близкому существу, пусть уже и взрослому мужчине, не успевшему, правда, обзавестись семьей, потому что он всегда воюет.

– Потому что у меня рожок почти всегда полный. Зачем набивать патроны в полный рожок...

Ответ звучал слегка шутливо, но Астамир совсем не был настроен на шутливый лад.

– Я сегодня специально позади тебя устроился, чтобы посмотреть. Ты почти не стрелял... А если и стрелял, то совсем не глядя... И из «подствольника» не выстрелил, когда все залп давали... И, мне кажется, так уже давно идет... В последний раз ты воевал по-настоящему, когда нас «кадыровцы» обложили...

– В этом ты прав... Мне не нравится, когда мне голову отрезают, и потому «кадыровцев» я бил от всей души...

Старший Астамиров опять улыбался, и эта улыбка очень беспокоила Астамира. Она сразу создавала впечатление, будто отец знал что-то такое, чего сын не знает, и вообще показывала, что сын неспособен многое понять. Это и обижало, и разделяло отца и сына, уже много лет неразлучных, и, казалось, таких близких.

– И этот полковник сегодня... Зачем ты отпустил его? Он же сам сказал, что приведет на нас солдат... Объясни, что с тобой происходит...

– Что объяснить? Конкретнее...

– Почему ты не стреляешь?

– Ты же в школе у меня когда-то, кажется, учился... Девять классов вроде бы закончил...

И целую музыкальную школу...

– При чем здесь моя учеба, о которой я давно забыл, отец? Я о тебе спрашиваю...

– Ты в школе, когда уже в девятом классе учился, первоклашек обижал?

– Конечно, нет...

– Для меня те солдаты, в которых сегодня стрелять надо было, – первоклашки... Я сам когда-то многих солдат научил воевать... Они и тогда были для меня первоклашками, и

теперь... Даже чужие солдаты, даже федералы... Раньше – стрелял... Ты помнишь и знаешь почему... Патронов не жалел... Плечо от отдачи болело... Сейчас решил, что хватит...

Сын даже задохнулся от возмущения. И сказал так, словно устал уже втолковывать бес-толковому отцу прописные истины:

– Они на нашу землю пришли... Пришли с оружием...

– А на чьей земле твои старшие братья живут?.. Там, в Москве...

– Это совсем другое... Как ты не понимаешь!..

– Нет, Астамир, не все так просто... Тебе, может быть, так и кажется, потому что ты только одну сторону слушаешь и одной стороне хочешь верить... А слушать следует обе стороны и выбирать, где правда. И вот они, федералы, с той, с другой стороны смотрят – и по-своему это понимают... При этом и ты прав, и они... Но не забудь главное, что всегда где-то существует середина. Она так и называется – золотая середина, и не потому, что из золота сделана, а потому что она – самое ценное. И тебе пора уже научиться отличать громкие слова от общих положений жизни. Жизнь гораздо сложнее... Были красивые лозунги, и все мы бросились, как в воду, – решили поверить им... Было так, и нам много чего хорошего наобещали, а мы поверили безоговорочно... Но только в нашей жизни все не так пошло... Лозунги остались, только относиться к ним следует, как к лозунгам... Другая жизнь пошла...

– А я до сих пор нашим лозунгам верю, – сказал сын твердо. – И готов убить и погибнуть за свою свободу одинаково...

– Не в том, чтобы убить, счастье... И не в том, чтобы победить, заключается жизнь мужчины... Дом построить, дерево посадить, детей вырастить... Это то, что дает жизнь... А все остальное жизнь отнимает... Общую жизнь, не конкретную... И не стоит погибать за то, что жизнь отнимает... Лучше заниматься тем, что жизнь дает...

Но отец видел, что он говорит о непонятных для сына вещах. При этом и Астамир чувствовал, что отец еще сам не понимает всего, что творится у него в душе.

– Надеюсь, что времени пройдет немного, когда ты сам поймешь... – продолжил Умар. – Это объяснить нельзя... Для этого нет подходящих слов... Я понимаю, что тебе хочется героем стать... Мне самому этого хотелось и в твоём возрасте, и даже потом, когда старше стал... Одно сейчас пойми, что победа не всегда является главным... И счастье может дать большее не сама победа, а только понимание того, что ты мог её добиться, но не стал. Сам не стал... Тебе незачем кому-то, а, главное, самому себе доказывать, что ты можешь стать победителем. Ты сам это отлично знаешь, и этого тебе достаточно. И если ты достаточно силен, то никто в твоей силе не усомнится... Когда ты будешь это понимать, ты станешь мудрым... А мудрому вовсе ни к чему убивать, чтобы почувствовать свою силу... Ему не нужно, чтобы его другие героем называли. Он сам знает, что он – герой...

– А мама?.. – на глазах у сына слезы навернулись. – А сестры?..

Это был его аргумент, и аргумент веский. Это была их общая боль...

Умар вдруг резко встал, прерывая разговор:

– Не надо о них... Пока – не надо... Потом... Потом, позже... Сейчас... Пойдем... Нам пора, спешить надо, чтобы не бродить в темноте по минному полю... Я не помню все мины...

– А этот полковник... Старший лейтенант... – сын состояние отца понял и умышленно перевел разговор на другое. Он жалел отца, и Умар видел это. Жалел, точно так же, как сам отец жалел сына. Они всегда старались друг друга беречь и друг друга поддерживать...

– Это для меня он остался старшим лейтенантом... – Умар принял уход от темы и поддержал разговор о другом. – Таким я знал его... Для всех других он – полковник... Полковник Раскатов... Бывший старший лейтенант Раскатов...

Умар забросил за плечо ремень автомата...

2. УСИЛЕННАЯ БОЕВАЯ ЕДИНИЦА

Полковник Раскатов не долго спускался по дороге. Даже половину пути до поворота не преодолев, он оглянулся, увидел, что никто за ним не следит, и тут же резко сиганул в кусты. Первое, что сделал Василий Константинович, это проверил пистолет. С пистолетом все было в порядке – подозревать Умара Атагиева в подлости было бы, по крайней мере, неприлично. Тем не менее привычка все проверять сработала сама собой. При этом подполковник прекрасно понимал, что пистолет в условиях боя – оружие, можно сказать, никакое. Даже малая саперная лопатка для человека, обученного ею фехтовать, может быть более эффективна при соответствующем применении. Конечно, не простая лопатка, не такая, какую солдаты за спиной носят. Внешне она такая же, но в спецназе ГРУ эту лопатку оттачивают до остроты бритвы, превращая ее и в штык, и в боевой топор, и в оружие для метания. А пистолет – оружие шумное и малоэффективное, хотя стрелял из него полковник Раскатов очень хорошо.

Василий Константинович не мог позволить себе долго отсиживаться и поэтому начал подъем, пригибаясь к кустам и стараясь обходить наиболее разлапистые и густые ели так, чтобы они закрывали его от той стороны, куда ушли отец и сын Атагиевы. А скоро и обходить их стало не надо, потому что ельник стал более густым. Одновременно полковник стал и ситуацию осмысливать, и ставить себе первоочередные задачи. Главная задача, как он понимал, это вызволение из плена четверых солдат транспортного конвоя и старшего прапорщика Лошкарева. Конечно, сделать это самому, в одиночестве, можно только при большом везении. И, если придется это делать, полковник не отступится. Он сам, когда служил еще не в московском управлении, а в бригаде спецназа ГРУ, учил молодых солдат:

– Вы пришли служить к нам, и уже одно это сделало вас иными людьми, чем вы были прежде. Пока иными только по названию, но я обещаю вам, что вы станете вскоре иными в действительности. Что такое солдат спецназа ГРУ? Вот возьмите любой род войск... Что такое в любом роде войск боевая единица? Это, как правило, подразделение, способное вести самостоятельные боевые действия. Подразделение! Обычно минимальной боевой единицей считается взвод. Условно говоря, тридцать солдат, сержанты, офицер... Прошу запомнить это... А один-единственный солдат спецназа ГРУ считается усиленной боевой единицей, способной работать как в составе подразделения, так и автономно. То есть солдат спецназа ГРУ – это больше, чем взвод простых солдат вместе с сержантами и офицером. Я не говорю уже об офицерах, которые будут вами командовать... Но и вы будете считать себя самостоятельной усиленной боевой единицей... Мы научим вас быть такими...

Полковник учил солдат и при этом сам знал, что он тоже является усиленной боевой единицей, только подготовленной многократно лучше, чем солдаты. И пусть сейчас форма уже не та, потому что нет былых нагрузок, запас прочности в себе полковник Раскатов чувствовал основательный. Запас прочности усиленной боевой единицы. И если бы ему пришлось выручать пленников в одиночестве, он бы, возможно, и смог самостоятельно с этим делом справиться. При этом Василий Константинович прекрасно понимал, что он имеет право рисковать только собственной жизнью. А рисковать жизнью пленных он права не имел. И потому лучше всего было бы связаться с частью и вызвать подмогу. Но как связаться, если его собственный мобильник остался в кармане «разгрузки», а «разгрузка» досталась не Умару Атагиеву, а какому-то другому боевику, должно быть, вместе с бронежилетом. Там еще много осталось в карманах всякого, что сейчас могло бы сгодиться, но если это невозможно пока вернуть, то не стоит об этом и задумываться...

А район этот входил, видимо, в зону устойчивой сотовой связи, потому что Василий Константинович видел, как один из боевиков отобрал у солдата мобильник и сразу стал звонить кому-то... И этот боевик... И этот боевик не ушел вместе с эмиром и другими плен-

ными, а остался на дороге дожидаться мирных жителей. Он и сам, наверное, из мирных жителей, потому что был не полностью в камуфлированном костюме, а только в камуфлированной куртке и в обыкновенных грязных донельза и обвислых джинсах.

План родился сразу и без труда... Он пока еще не мог обрасти подробными деталями, поскольку детализировать и конкретизировать было нечего. Но все детали появятся потом. Пока требуется только одно – максимально приблизиться к месту выполнения задачи.

План был прост и основывался на том, что, если район входит в зону мобильной связи, значит, жители окрестных сел мобильники имеют. В том, что они умеют ими пользоваться, Раскатов уже убедился раньше. Значит, у жителей можно добыть мобильник.

Туда, к месту нападения на конвой, местные жители шли пешком по дороге. Они не опасались встретить какую-то машину или патруль, потому что, скорее всего, знали, когда здесь машины проезжают. Знали и не боялись. Естественно предположить, что и в обратный путь нагруженные продуктами местные жители пойдут тем же путем. Тащить ящики, коробки и мешки без дороги напрямик в горы – задача не из легких. Кто знает, где лежит их село... Но если пришли с одной стороны, то и уходить будут в эту же сторону...

Значит, можно устроить засаду...

Конечно, для засады и для действия, желательно без шума и выстрелов, одного пистолета мало. Пока было время, полковник «соорудил» себе не слишком длинную и крепкую дубинку. Камнем расщепил середину и вогнал туда острый камешек. Прочно его вбил, но, даже если и выскочит, дубина сама по себе является оружием. Подумав, с трех сторон добавил еще по одному камешку. Так серьезнее... Удар таким оружием затылок слона не выдержит, а уж о хрупком человеческом затылке и говорить не стоит...

Работать полковник не боялся. Если стук камня о камень до кого-то и донесется, это не страшно, потому что никто не ожидает встретить здесь представителя федеральных сил. Оставшиеся боевики и самого полковника Раскатова встретить не ожидают, потому что он у них на глазах ушел в составе других пленных с джамаатом. Кто может предположить, что полковника освободили... Значит, отдаленных звуков опасаться никто не будет. А уж попадаться кому-то на глаза Раскатов не собирался... Не для того его Умар отпустил. Да и на Умара посмотрят косо, и вообще это освобождение может выйти Умару боком, если Василий Константинович привлечет к себе внимание.

Но он умеет быть бесшумным и невидимым...

* * *

Полковник Раскатов торопился. Нужно было как можно скорее добраться до колонны местных жителей, добыть все, что требовалось добыть. Но он, усиленная боевая единица, прекрасно понимал, что наверху, на перевале, местность более оголенная и там сложно будет замаскироваться, не имея подручных средств.

Поэтому Василий Константинович укротил торопливость и заставил себя подыскать хорошее место для засады чуть выше середины спуска. Там и деревья есть, и кустов в достатке – можно хорошо спрятаться. Кроме того, вечер приближался. И если на самом перевале еще долго будет светло, то среди ельника темень начнет собираться быстро, будет на еловых лапах виснуть и скрывать того, кто желает скрыться. Сторона склона самая подходящая, восточная. И если на другой стороне, там, где уже догорели, но еще остро пахнут гарью разбитые машины, заходящее солнце будет еще светить, то на восточном склоне этого солнца уже не будет...

Значит, решено... Место для засады оказалось подходящим, и Василий Константинович слегка размял тело, проверяя его готовность. Все-таки взрыв мощного фугаса под днищем бронетранспортера вещь слишком серьезная, чтобы расстраиваться из-за единственного рассечения кожи на голове. Конечно, голова болела после удара, и кровь со лба хотелось бы смыть. Но

радовало то, что все конечности целы, все мышцы послушны, и сам полковник, как боец, не сильно пострадал. Он нашел все-таки широкие мясистые листья какого-то травянистого растения и тщательно оттер ими лоб. Судя по листьям, кровь легко счищалась с кожи, но наверняка осталась во всех морщинках и углублениях. Так всегда бывает с кровью. Ее потом даже водой не сразу отмоешь, если не отмыл в тот момент, когда она еще текла. Но сейчас большего и не надо... Главное, чтобы лоб, брови и веки не стягивало и не мешало. А все остальное – в свое время...

* * *

Там, где залег среди кустов полковник Раскатов, уже стемнело, причем достаточно стремительно, словно кто-то накрыл покрывалом ночи окрестный ельник. Но почти сразу за густой темнотой вышла из-за горы серебристая и чистая луна и повисла низко над перевалом, освещая дорогу. Место, выбранное Василием Константиновичем, было еще и тем удобно, что оттуда просматривался один из поворотов «серпантина». И он вовремя увидел, как этот поворот минует неторопливая растянутая колонна. Шло больше тридцати человек. Значит, все боевики, что остались около машины, восемнадцать человек, были жителями одного из ближайших сел и сейчас шли вместе с пришедшими после уничтожения продовольственной автомобильной колонны домой. Это радовало еще и тем, что боевики были с автоматами. Следовательно, если действовать и стремительно, и в то же время предельно осторожно, то можно и автоматом разжиться, и не привлечь при этом к себе внимания.

Растянутость колонны объяснялась тем, что у каждого человека собственный запас сил и собственные, только одному ему свойственные аппетиты. Кто взял больше, тот плетется в хвосте. Оставалось только ждать приближения этого хвоста. Первыми шли трое боевиков – бодро, хотя груз несли немалый и еще автоматы за плечами. А автомат тоже не слишком легкий. Этим Василий Константинович проводил взглядом спокойным, но холодным. Он очень хотел бы до них добраться, но для этого еще будет время. Затем подошла еще одна группа. Здесь были и пожилые мужчины, и даже две женщины. Но несли все помалу. Только женщины значительно больше мужчин. Женщины, как понимал Василий Константинович, необязательно бывают жадными, просто у них в душе всегда от природы стоит вопрос – чем кормить своих мужчин. Поэтому и взяли побольше.

Потом прошел одиночка – крепкий пожилой мужчина. Каким-то невообразимым образом он нес на каждом плече по пятидесятикилограммовому мешку. Наверное, один с мукой, второй с сахаром. Но даже с такой ношей мужчина шагал твердо и упруго. В нем жила своя природная сила, которая позволяла ему о своей семье заботиться и себя при этом не шадить.

За ним последовали и другие. Полковник считал автоматы боевиков. Насчитал семнадцать, когда на дороге позади всех оставались еще два человека. Один, последний, нес на каждом плече по ящику, а предпоследний ташил пятидесятикилограммовый мешок, один и с большим трудом. Автомат был у кого-то из этих двоих. Конечно, было бы прекрасно, окажись он у последнего. Тогда многие проблемы бы сразу решились и дело обошлось бы, как говорится, малой кровью. Но автомат все же оказался у предпоследнего. Значит, предстояло начать с последнего, проверить его карманы на предмет наличия мобильного, а только потом уже последнего догонять.

Василий Константинович приготовился и привстал за своим кустом. Предпоследний прошел, последний отставал от него шагов на восемь. И только тут полковник сообразил, что выполнить все гладко не удастся. Ящики, которые нес человек, при атаке обязательно упадут и шума наделают. И тот, кто идет впереди – с автоматом, успеет на шум среагировать...

Но опыт сразу подсказал Раскатову, как действовать. Он вышел из кустов, и пристроился у последнего носильщика за спиной. Выбрал место, где кусты прилегают к самой дороге, и

именно там, в прыжке, чтобы увеличить силу удара, обрушил свою дубину на затылок носильщика. А сам, еще до того, как носильщик упал, стрелой метнулся в кусты.

Полковнику показалось, что грохот раздался страшный, будто грузовик с обрыва свалился. Один из ящиков раскололся, и под уклон покатались металлические консервные банки. Носильщик лежал лицом вниз и не шевелился. Его шедший впереди товарищ обернулся, окликнул упавшего, потом мешок аккуратно поставил на дорогу и поспешил на помощь бедолаге.

Носильщик склонился над упавшим и тут увидел рану на затылке. Похоже, он знал толк в ранах, потому что автомат снимать из-за спины начал раньше, чем выпрямился. Однако ни оружие снять, ни выпрямиться ему Раскатов не позволил. Удар опять был произведен в прыжке и с размахом. Череп жалобно и удивительно длинно захрустел. Василий Константинович снял с боевика автомат, затем обыскал обоих и нашел сразу два мобильного. Он взял обе трубки, потому что не знал, какая лучше работает, у какой из них деньги на балансе есть, у какой кончатся. В любом случае две трубки всегда лучше, чем одна...

Но долго оставаться на дороге под луной было опасно. И полковник свернул в кусты. Но тут автомат убитого боевика показался ему вдруг слишком легким... Подозрительно легким... Полковник снял магазин. Так и есть. В магазине был только один патрон. Ну, наверное, остался еще патрон в патроннике. Но два патрона для того, что Василий Константинович задумал, было мало. Ему и двух рожков не хватило бы, особенно если бы действовать пришлось в одиночестве. Пришлось к боевику вернуться и еще раз его обыскать, хотя при первом, почти поверхностном обыске второго рожка Раскатов не видел. Не нашел он его и сейчас...

Но времени на раздумья ему тоже было отпущено мало. Не сомневаясь, что патроны ему нужны обязательно, Раскатов прыжком оказался у самого края дороги и легкими, упругими шагами побежал догонять колонну. Двоих он догнал быстро. Но это были пожилые люди, оружия они не имели, груз несли небольшой и Раскатова не заинтересовали. Единственное неудобство, которое они ему доставили, – заставили свернуть в ельник и пробежать в темноте между деревьев, закрыв лицо от ветвей. Наверное, треск был такой, словно медведь сквозь чащу ломится. Но длилось это недолго, и полковник опять к опушке приблизился. Там не было лесной чащобы и можно было быстро и незаметно передвигаться.

Раскатов обернулся. Пожилые носильщики остановились, груз с плеч сняли и всматривались в чащобу, которую полковник давно уже покинул. Вскоре он нагнал человека с автоматом и с двумя коробками на плечах. Раскатов даже не старался скрыть свое присутствие, просто бежал вперед, и все. Бежал, не маскируясь, не прячась, как может только свой бежать. И опять ударил с разбега...

Теперь ему очень повезло. Кроме автомата с наполовину израсходованным рожком Василию Константиновичу досталось сразу три спаренных рожка, небольшой светодиодный фонарик с резинкой для крепления на лбу, третий мобильник и большой тяжелый нож. Сам Раскатов предпочел бы нож более легкий и короткий, которым в схватке легче управлять, но выбирать не приходилось...

Дальше он спустился медленно, в том же темпе, в каком шла вся колонна, чтобы никого не догнать, и только в тот момент, когда за спиной раздалась истошные стариковские крики на чеченском языке – обнаружили тело боевика, полковник свернул в ельник и через чащу прошел до места, где сошел с дороги джамаат. Теперь можно было пускаться вдогонку, но до этого следовало позвонить. Однако, чтобы позвонить, необходимо было уйти подальше от дороги, чтобы никто не услышал его разговора.

* * *

Василий Константинович устроился верхом на поваленном сухом стволе старой елки и вытащил все три мобильника. Выбрал более современный, надеясь, что он обеспечит более надежную связь.

Теперь следовало определиться, куда звонить. Самая большая беда была в том, что его записная книжка осталась в кармане «разгрузки», а там были на отдельной странице записаны два чеченских номера, которыми он мог бы воспользоваться. Эти же номера, как и другие необходимые, были занесены в «справочник» его собственной трубки. Но собственная трубка «ушла», скорее всего, вместе с бандитами из джамаата Байсарова. Впрочем, она могла точно так же уйти и с бандитами из села, что натужно несли сейчас награбленные продукты. Ни одного другого телефонного номера из местных Василий Константинович не знал. Он вообще-то обладал прекрасной профессиональной памятью и мог бы запомнить любой номер. Но, как всякий профессионал, ячейки своей памяти берег и предоставлял только для необходимой информации. А все прочее, например, телефонные номера не запоминал намеренно потому, что их запоминала трубка или записная книжка.

Ни номера кого-то из командования мотопехотного батальона, ни номера майора Макарова, командира отдельного отряда спецназа ГРУ, ни даже номера кого-то из офицеров разведуправления РОШа Василий Константинович не знал. Более того, он даже не помнил номер дежурного по своему управлению в Москве, поскольку всегда ему звонил, пользуясь памятью телефона. Научно-технический прогресс и пристрастие к электронике сыграли с Раскатовым злую шутку. И тогда он просто позвонил домой. Ответила старшая дочь Ирина, как обычно, сосредоточенная и занятая, потому что работала по восемнадцать часов в сутки – и на службе, и дома, возилась со своими переводами с арабского. И с отцом обмениваться мнением по поводу погоды не стала. Она позвала мать, и Ольга, зная привычку мужа не звонить из командировки без необходимости, звонку удивилась.

– У тебя что-то случилось? – прозвучал естественный женский вопрос.

– Да вроде бы пока трезвый... – отшутился Василий Константинович. – Память вот только подводит. Мобильник остался в офицерском общежитии... Из кармана вытащить забыл, склеротик... Все номера в трубке остались... Сейчас с чужой звоню... А сам сейчас в штабе... У тебя где-то записан номер нашего дежурного?

– Да разве я найду? Я звонила-то всего один раз года три назад...

– А Максимовых номер не помнишь?

– Помню... – жена назвала номер.

– Все, спасибо на добром слове... Не скучайте, не кашляйте, скоро вернусь...

И отключился, пока жена не почувствовала в его голосе фальшивые нотки.

С Оксаной, женой сослуживца Раскатова подполковника Максимова, Ольга дружила еще с давних времен, когда они жили в разных половинах одного двухквартирного дома в гарнизонном городке в Забайкалье. Сейчас встречались, обычно, только по праздникам, но перезванивались часто и разговаривали подолгу. Василий Константинович позвонил на квартиру к Максимовым. Трубку взяла Оксана, позвала Вадима, который долго не шел, но, наконец, до аппарата добрался-таки. Вадим был не совсем трезв, судя по голосу. В последние годы он сильно сдружился с «зеленым змием», и это мешало ему в службе. Может быть, потому и не получил до сих пор очередного звания, тогда как сам Раскатов звание полковника получил уже давно.

– Привет... Дела как? – спросил Максимов.

– Наливай... – сказал Раскатов.

– За твоё здоровье... Что от старого пьяницы требуется?

– Номер нашего дежурного...

Это Максимов мог сказать, даже будучи в три раза пьянее, и без запинки продиктовал номер. Затем поинтересовался:

– У тебя все в порядке?

– Почти... Из плена вырвался, вооружился, продолжаю воевать...

– Тебе патрончиков не подослать? – Вадим принял слова за шутку и ответил шуткой.

– Если только не больше литра... – так же отреагировал и Раскатов. – Ну все, пока...

Прежде чем звонить дежурному, Василий Константинович прислушался.

Ничего подозрительного поблизости Раскатов не заметил, однако со стороны дороги вдруг донеслась стрельба. Полковник улыбнулся. Он понял, в чем дело. Те два старика, которых он обегал через ельник, показали, где они слышали звуки. И теперь шестнадцать оставшихся при оружии боевиков обстреливают заросли. Стреляют вслепую. Только от ярости и трусости. Они напуганы и боятся теперь нападения сзади... И стреляют туда, где уже давно никого нет. Глупое занятие...

ГЛАВА 3

1. ВОСПОМИНАНИЯ НА МИННОМ ПОЛЕ

Шли быстро, чтобы наверстать потерянное на разговор время и успеть засветло перейти минное поле, которым, по настоянию, кстати, самого Умара, окружил свое тайное убежище Байсаров. Автомобильный асфальтированный перевал обошли стороной и только по им одним ведомым тропам вышли к перевалу пешему. Здесь было светлее, да и на другой стороне хребта долго еще будет светло. Но им спускаться надобности пока не было, дальше путь лежал уже поверху.

Сложная и извилистая, меняющая направление тропа обеспечивала хорошее укрытие убежищу джамаата. Потому Умар и был уверен, что полковник Раскатов не сможет найти их «медвежий угол». Ведь эмир сразу повел всех прямо в противоположную сторону, и Раскатову неизвестно было, что так пошли только потому, что другого пути нет. Потом нужно было в обратную сторону повернуть. И знали об этом только те, кому это знать было нужно.

Выходить к тропе через перевал можно было бы и напрямую с автомобильной дороги – это короче в три раза, но там такой сложный путь, что времени на него затратишь в два раза больше. Пришлось бы и через скалы карабкаться, и через густящие кусты продирааться, оставляя на ветвях клочья одежды, и в буреломе ноги ломать. Можно было и третьим путем до места добраться: сразу в долину спуститься и долго идти, меняя направления, по ручью. Но этот путь слишком длинен. Придется тогда еще одну невысокую гору огибать. Да и сам там будешь всем взорам открыт. Поэтому третьей тропой лучше не пользоваться.

Теперь Астамир уже не старался идти рядом с отцом, но сам Умар на сына время от времени бросал косой взгляд и видел, что тот необычайно задумчив и даже трижды спотыкался о вылезающие из-под земли корни. Это хорошо, что Астамир задумался, значит, отец своими словами поселил в душе у сына сомнения. Вовремя брошенное в благодатную почву зерно может дать добрые всходы. Главное, чтобы почва была подходящая. Каждое растение свою почву любит, как каждый человек свою землю, как каждый человек свой идеал красоты. И все видят мир по-разному...

Еще будучи командиром десантной роты, Умар разговаривал однажды со своим солдатом, татарин по национальности. Сидели у костра в разбитом артиллерией и вертолетными «НУРСами» афганском кишлаке и разговаривали. Солдат, вспоминая что-то с мечтательно затуманенным взглядом, рассказывал:

– Меня дома такая девушка ждет... Лицо красивое... Круглое, как луна...

Разговор проходил в присутствии других солдат, здесь же, у костра, устроившихся на ночь. Это сравнение, помнится, вызвало тогда общий смех. Никто не хотел принимать такую красоту за красоту и не боялся обидеть, как им казалось, простоватого татарина. Хотя глубокого, затаенного смысла в сравнении было гораздо больше, чем во всех «методичках» по проведению политзанятий в советской армии. Того смысла, что между строк и слов существует и не для каждого бывает открыт. Нужно было только о главном задуматься. А главное в том состоит, что каждый человек видит окружающий его мир по-своему. И каждый народ тоже. Что одному кажется красивым и благородным, для другого выглядит уродством и подлостью. И чтобы жить среди людей, не вступая с ними в конфликты, необходимо понимать, что у других есть право смотреть на вещи иначе. Тогда, в начале восьмидесят второго года, в самый разгар афганской войны, вслух высказывать эти мысли было не просто греховно, но и опасно. Можно было бы и с должности полететь. Но сам Умар еще тогда понял, почему афганская

война никогда не сможет закончиться победой... Потому что афганцы иначе на жизнь смотрели, чем «шурави»...

Сейчас что-то похожее и в Чечне происходило, но не совсем... Афганцы никогда не были частью России и не жили в российских городах, как свои, как соотечественники... А чеченцев по России разбросано больше, пожалуй, чем в самой Чечне осталось... И все конфликты между народами происходили потому, что ни русские, ни чеченцы не желали смотреть на жизнь и события с точки зрения другого и не пытались найти самое ценное – золотую середину.

Когда все только начиналось, когда идея независимости в воздухе витала и не говорил о ней только немой, отставной майор воздушно-десантных войск Умар Атагиев поверил в нее безоговорочно. Тем более что главное он услышал не от кого-нибудь, а от самого Джохара Дудаева, своего дальнего родственника и хорошего знакомого еще по афганской войне. Тогда в Афгане Дудаев еще не был генералом и с ним можно было проще общаться. А потом, вернувшись в Чечню, он сам нашел отставного майора Атагиева. Может быть, кто-то из общих родственников подсказал, как бедствует семья Умара, как борется за выживание. И Джохар предложил работу, такую, с которой Умар не просто мог справиться, но которую и делал с радостью. Он учил военной науке полевых командиров...

Джохар, каким его знал Умар, был добрым и наивным человеком. Он сам верил в то, о чем говорил, в отличие от всех, кто его окружал. Он даже за власть свою президентскую никогда не держался и не дорожил ею. Но все окружение Джохара хотело только власти. Ну, и еще того, что власть дает – денег. Вообще-то стремление к власти – это, как хорошо знал Умар, отличительная черта его соотечественников. Не всех, но большинства. А остальные в глубине души тоже к власти стремятся, но сил для ее захвата не хватает. А власть в Чечне можно только захватывать. Добровольно никто от нее не откажется. Может быть, только мудрый, но мудрые люди рождаются редко, мудрыми людей только жизнь делает...

Сначала Умар Атагиев приблизился было к Джохару Дудаеву, хотя сам из гордости не навязывался. Но длилось это недолго. Вскоре его просто не подпускали к родственнику, наделенному правами президента. Конечно, президент – это самый большой человек в республике. И нет у него времени, чтобы с родственниками общаться. Потом Умар понял, что дело не в этом. Просто слишком много людей рвалось в окружение Джохара, и они старательно отталкивали при этом друг друга. Оттолкнули и его, не желавшего на своем праве настаивать... Он, впрочем, и не сильно сопротивлялся...

Знал ли Дудаев все то, что начало твориться в республике? Знал ли он, как люди, получившие власть, стали рвать и тянуть под себя все, что можно было и нельзя? Он хорошо знал своих соотечественников... Наверное, должен был знать... Но не хватало сил, чтобы справиться... Все силы, все время война отнимала...

Тогда же и для Умара Атагиева тяжелые времена настали. Сначала сам долго болел – контузия позвоночника в Афгане. Потом чуть-чуть оправился – новый удар. И в самое больное место... Федералы обстреливали село из артиллерийских орудий. Умар с Астамиром на позициях были, отбивались от таких же десантников, которыми Умар когда-то командовал. И тяжелый артиллерийский снаряд попал в дом, где тогда находилась жена с тремя дочерьми. От дома одна воронка осталась... Хоронить было, по сути дела, некого...

* * *

Астамир спотыкался, потому что думал не о дороге, а о том, что отец сказал. Конечно, он пока еще только осмысливал сказанное и искал причину, которая привела отца к подобным мыслям. Но ему самостоятельно найти эту причину сложно. Он не был в тех ситуациях, в которых побывал отец, хотя и тогда уже, совсем еще мальчишка, постоянно находился рядом. Но отец своими сомнениями не делился... А сам уже тогда сомневался...

Он мог бросить все после смерти Дудаева. Он до этого еще видел, какие дела начинают твориться вокруг, но уход казался Умару предательством по отношению к родственнику и президенту. И он остался в республике, хотя очень хотелось собрать семью и уехать к старшим сыновьям – те давно звали, обещали купить домик где-нибудь под Москвой, чтобы семья жила в тишине и спокойствии.

И решил на это только после смерти генерала. Собираться начал. Уехал домой. Но там пришлось оружие в руки взять, потому что федералы наседали. Нужно было сначала отбиться, а потом уезжать. Не бросают своих в такой момент. Он не бросил и не уехал... Он с младшим сыном остался в живых, потому что вел бой, потому что и в него, и в сына стреляли десантники, пусть уже не советские, но российские, что не меняло сути. И он остался в живых, хотя его пытались убить... И Астамир остался... А те, кто не отстреливался, жена и дочери, погибли... Тогда уже отъезд смысл потерял... Боль подступала неимоверная... Не осталось от самых близких людей даже фотографий, все в доме сгорело, все было уничтожено... Но ему и не нужны были фотографии... Умар и без них помнил каждую черточку лица своих близких, каждую складку кожи, каждую морщинку, и почему-то все они вспоминались ему улыбающимися. Они и в жизни были такими. И жена, и дочери... Он так часто вспоминал их улыбающиеся лица, что боль никак не желала оставлять его и требовала только одного – отмщения... Наверное, то же самое испытывал и Астамир... Астамир был еще молод, ему сесть было рано, а сам Умар стал седым моментально. За какой-то день – ни одного черного волоска на голове не осталось... Как не осталось в душе ничего, кроме боли...

Говорили, что такую боль вылечить может только время, но время тянулось так медленно... Порой вообще казалось, что время просто на месте стоит, потому что Умар хорошо понимал разницу между временем и стрелками на часах... И понимал, что для всех время по-разному идет...

* * *

– Может, лучше сразу в обход пойдем? – предложил Астамир.

– У тебя новая нога выросла, которую тебе хочется заставить поработать? – спросил отец.

– Мы все равно засветло не успеем... А в темноте там идти – самоубийство...

– Попробуем пройти... Не впервой... С такой-то луной, да бояться...

И в это время откуда-то сзади донеслась стрельба. Эта стрельба была непохожа на звуки боя. В бою очереди звучат короткие и рваные, но каждая очередь акцентированная, словно точку завершающей пулей ставит. Это даже тогда читается, когда очереди в одну сливаются. Сейчас же очередей было не так и много, и они тоже сливались в одну, но не так, как в бою. Так только вслепую стреляют, когда противника не видят и все же надеются его достать. Или когда стреляют от испуга...

– Послушай-ка... – попросил отец. – На дороге?

Астамир молчал секунд десять. Слушал...

– На дороге... Ниже третьего поворота...

Сыну можно было верить, в таких вопросах он ни разу не ошибался и не подводил.

– Быстро же началось... – Умар, судя по тону, кажется, даже непонятное удовольствие испытывал. – Сейчас эти дураки без патронов окажутся и опять придут к Байсарову патроны просить...

– На складах купят... У нас мало осталось...

– На складах платить надо, а Мовсар на газ меняет. Кто дает баллон газа – получи три рожка... Я говорил, что двух хватит, а он все равно по три дает... Наши земляки считать деньги умеют... Если им каждый патрон покупать, дети с голоду перемерут... А газ в баллонах им в рамках какой-то благотворительной миссии возят...

- Я видел, когда в селе был, как привозили... Только там баллоны на баллоны меняли...
– Потому они у нас пустые баллоны и забирают...
Дважды филином ухнули подствольные гранатометы.
– Вот... Значит, и гранаты не все расстреляли... – заметил Атагиев-старший. – А Мовсар гранаты им выдавал с условием, что все расстреляют на дороге...
– Что ж там все-таки происходит? Федералы? – так и не понял еще Астамир.
– Федералы... – согласился отец.
– Машины нашли? Быстро же хватились... Наверное, какой-то случайный транспорт...
– Нет, сын... Это один федерал... Мой старший лейтенант Раскатов...
– Он вернулся?
– Он и не уходил... – равнодушно пожав плечами, сказал отец. – Он, скорее всего, в кусты сел, голову травой обтер, чтобы кровь не мешала, дождался, когда мы подальше в лес углубимся, и пошел...
– Куда? – не понял Астамир.
– Работать... Он же полковник спецназа ГРУ... Для него сейчас самая работа начинается... Его профиль... Военный разведчик и диверсант... Ищет, находит и убивает...
– И что он делает? Что может одиночка сделать... Его сразу убьют...
– Я сам думал, что он делать будет? Он мог на дорогу выйти и ждать машину, чтобы до батальона доехать... На дорогу посмотрел и понял, что здесь машины не дождаться... Видно, что редко машины ходят... Пешком шестьдесят километров топать – только к утру доберется... Время потеряет... А с его подготовкой этого себе позволять нельзя...
– И что? – не унимался сын, не сомневающийся в том, что отец правду говорит и там, за их спиной, все точно так и происходит.
– Он видел, как наши парни по «мобилям» разговаривали... Там, у машин, на месте расстрела... Я тоже видел... Значит, он решил добыть «мобилу». Я ему его трубку не отдал... – Умар вытащил из кармана телефон Раскатова и протянул сыну. – Возьми, сгодится... А он себе новую уже добыл... И автомат, наверное, тоже... Несерьезно с пукалкой по горам бегать... Устроил на дороге засаду, добыл трубку и автомат...
– Я бы услышал, если бы из пистолета стреляли... – сказал Астамир.
– Зачем ему стрелять... Он умный и опытный... Он голыми руками орудовать может... Положил несколько человек, вооружился, нашел «мобилу» и ушел... И чем-нибудь внимание остальных в сторону отвел... Вот они сейчас туда и стреляют...
– Не в него?
– Нет, конечно... Он слишком умный, чтобы этим дуракам подставляться... Он сейчас сидит где-нибудь на стволе дерева, с кем-то созванивается и подмогу вызывает... Слетятся «летучие мыши»...⁶ Нас накроют... И все на этом кончится... Я говорил Мовсару, что не стоит связываться с продажными «кладовщиками»... Это не доведет до добра...
– Зачем же ты отпустил его, отец... – не мог сын не высказать укор.
– А чтобы прекратить все это... – ответил Умар неожиданно сердито. – Надоело все... А ты разве не отпустил бы старого знакомого, которого уже спасал?
– Если бы он меня спас, я бы ответил тем же... Но если и в прошлый раз ты его...
– Э-э-эх... Ты, Астамир, еще не понимаешь, что спасенный тобой человек тебе роднее становится, чем тот, кто тебя спас... – усмехнулся отец. – Доведется, даст Аллах, и ты испытаешь это на себе... И никогда с «кладовщиками» не связывайся, они все продажные воры...
Через десяток шагов Умар услышал, как Астамир набирает на телефоне номер.
– Кому?
– В Москву... С братом поговорить хочу...

⁶ «Летучие мыши» – прозвище частей спецназа ГРУ.

– Не надо сейчас...

* * *

Опять пошли быстро, но теперь Астамир часто оглядывался, словно ожидая, что Раскатов по их следу пойдет и теперь, вооруженный автоматом, их просто расстреляет. Даже отец не выдержал:

– Что ты оглядываешься без конца!

– Слушаю... Мне интересно, что там на дороге делается...

– А что там может быть... Там уже все кончено... Сбросили часть груза, взяли на плечи убитых и понесли в село... Потом за грузом вернутся... И груз убитых тоже заберут... Себе... В селе еще и передерутся в кровь, снова делить начнут...

Астамир настроением отца был явно недоволен, но не показал, что ему обидно. Пошел молча и больше не оглядывался.

Уже совсем стемнело даже на перевале. До места осталось совсем недалеко, но предстояло минное поле преодолеть. Хорошо, что луна стояла полная и яркая. И идти уже следовало не среди густого ельника, а среди не слишком чащевых кустов.

– За спиной пристраивайся... – приказал Атагиев-старший. Голос был серьезен и сам по себе, одним только тоном говорил, что в такой обстановке отец неподчинения не потерпит, как не потерпит и болтовни. – Иди след в след... Начало я хорошо помню. А дальше – не на глаза, а на нюх полагаться будем... Был бы с нами Руслан...

Руслан знал здесь каждую мину и всегда сам водил джамаат в одну и в другую сторону. И всегда по разным местам, чтобы тропу не проложили. Но Руслан и сейчас джамаат повел и остаться с Атагиевыми никак не мог...

Даже при том, что Умар хорошо помнил проход через минное поле, он проявлял повышенную осторожность. Для начала срезал тонкий, но прочный, не гнущийся под своей тяжестью прут и привязал к нему рукоятку ножа, соорудив себе импровизированный щуп. И щуп сразу опробовал. Посмотрел от себя на полметра вбок и под острым углом проколол землю острием. Нож наткнулся на корпус мины.

– Есть... Хорошо поставлено... С этой стороны «МОН-100» выставляли, изнутри «МОН-50»⁷. Ставили так, чтобы друг от друга не сдетонировали... А то в начале первой войны, бывало, ставили... Потом бросит кто-нибудь гранату со стороны, и все минное поле взрывается, хоть строевым шагом и с песней проходи... Только без оркестра...

Астамир не удержался и спросил:

– А почему без оркестра?

Отец резко обернулся:

– А потому что от взрыва целого минного поля у всех музыкантов барабанные перепонки полопаются... Слышать не будут, что играют... Какофония получится... Не болтай...

Астамир знал, что отец не любит разговоров в такие моменты. Сам он будет говорить, и будет говорить, может быть, очень много. Он так себе нервы успокаивает и больше с собой разговаривает, чем с кем-то другим. Это ему не мешает. Но любое слово со стороны отвлекает внимание, и всегда можно ступить не туда, куда ступать можно. И на этом любые разговоры закончатся навсегда.

Умар шел медленно, иногда останавливался и разглядывал одному ему известные ориентиры. Ночью все выглядят иначе, это и Астамир знал. А путь через минное поле не может отмечаться на земле. Он отмечается по деревьям среднего возраста, которые от старости не упадут и не начнут расти, склоняясь в другую сторону, как может случиться с молодыми. Два-

⁷ «МОН-100» и «МОН-50» – стандартные мины общего назначения.

жды еще Умар протягивал руку и щупом проверял почву под ногами. Так добрались до каменной проплешины. Здесь Умар на небольшой валун сел и рукавом лоб вытер. И только теперь Астамир увидел, что отец за эти двадцать метров вспотел.

– Прошли половину. Дальше идти будет сложнее, но положимся на Аллаха... Он нас не оставит без заботы... Отдохни...

– Я не устал, – сказал Астамир, но все же сел на соседний камень.

Отец уже много раз пытался показать сыну этот путь. Но Астамир никак запомнить ориентиры не мог и всегда ошибался. Хорошо, что ошибался он под контролем отца, который успевал вовремя окрикнуть и остановить. А вообще из всего джамаата только Умар и минер Руслан знают этот путь так, что могут и сами пройти, и джамаат провести. Даже сам Мовсар Байсаров не рискует ходить здесь без верного проводника.

– Как же там они дальше-то стоят... – сказал Умар. – Днем бы я вспомнил и разобрался сразу... Вот, нелегкая доля...

– Может, до утра... – тихо предложил сын, и Умар от этих тихих слов вздрогнул.

– А теперь скажи это же по-русски... – попросил он.

– Зачем? – не понял Астамир.

– Надо... Скажи...

– Может, до утра... – он повторил простые слова по-русски. Пусть и с акцентом, но по-русски.

– Похоже как... Надо же... – тоже по-русски ответил отец.

– На что похоже?

– Двадцать шесть лет прошло, а фраза – вот же как! – повторяется как раз тогда, когда он здесь, рядом...

– Ты о чем?

– Двадцать шесть лет назад я со взводом возвращался с операции... Ночью, уже перед рассветом... Когда совсем темно... Когда звезд не видно... Пустая была операция... Ставили засаду, никого не дождались... Трое суток просидели, все без толку... Уже до своих недалеко было... Километров пять до стационарных постов... И на звуки боя вышли... Ленивый такой бой... Просто перестрелка, можно сказать... как от нечего делать... В самом начале ущелья... Вышли, я в бинокль из-за скал посмотрел, темнота ведь, а голубые береты увидел... Там троих наших «духи» к скалам прижали и ждут, когда сдадутся... Потом оказалось, двое суток уже держали... И без воды, и без еды... И патроны кончались... Мы-то, конечно, влезли сразу, резко, «духов», кого не покрошили, тех согнали, парней вытащили... Только это не наши оказались... Спецназ ГРУ... Они нашу форму носили...

– Почему? – не понял Астамир.

– Потому что тогда не было официально такого рода войск, как спецназ ГРУ... В Советском Союзе все в секрете держалось... От своих же... Американцы знали, все другие знали... А мы знать не должны были... Так-то... А спецназ ГРУ существовал к тому времени уже тридцать лет... Все, что они там, в Афгане, делали, на наш счет записывали, десантуру прославляли... А они там много чего делали... Воевать они умеют... Вот... вытащили мы их... Старший лейтенант раненый у них был... Старший лейтенант Раскатов... И два солдата – тоже раненые... В разведку ходили, на «духов» нарвались... Раненые уйти не могут, и «духи» кругом... И только мы их вытащили, как к «духам» подкрепление подошло... С новой силой на нас поперли... Я оставил два отделения в прикрытие, с остальными попеременно потащили раненых... Напрямик... Не по дороге, где обычно ходили... Это так кажется, пять километров – недалеко... А когда человека на горбу тащишь, ой какими эти пять километров кажутся... За пятьдесят потянут... Тащим, а я все оглядываюсь... Наших поджимают... Мы отходим, они тоже отходят... А «духи» наглеют... Уже слишком близко к нашим постам подходят... Я понять не могу, почему... Только потом узнал... Они нас к минному полю прижимали... Тут кто-то с поста выскочил... Кричит

что-то, рукой показывает... Пост-то рядом... А я из-за стрельбы сразу и услышать не могу... Потом только разобрал слово – «мины»... Как раз песчаная полоса среди глинистой земли... И что делать? С наших постов из пулеметов над нашими головами постреливают, но и у «духов» – тоже над головами, так их не отгонишь... И сколько мы лежать там можем?... Тогда я штык к автомату примкнул, и автомат – вместо щупа... И пошел... Штыком в песок... Темнота... Ни луны, ни звезд... И только щуп чувствуешь... И потому знаешь, куда шагать... За мной в десяти шагах раненых тащат... До середины добрался, остановился... Кончилось терпение... Кричать захотелось... Старшего лейтенанта Раскатова ко мне подносят... Он и говорит то же, что ты сказал... А я говорю, что нас к утру всех здесь перестреляют... «Духов» больше, чем чертей в аду... Числом задавят... Я вздохнул и пошел... И прошел-таки, путь протоптал... Сорок метров... сорок минут шел... Там песок глубокий, следы видно хорошо... Это когда мины ставят, песок заметают... А так – видно... Прошел я и упал... Думал, не встану, никогда не встану, трясло всего, как в лихорадке... Но встать надо было... И встал... Раненых перенесли, сразу «огонь» открыли, чтобы дать другим пройти... Но они не пешим ходом... Они ползком и на четвереньках... Там уже легче стрелять стало, расстояние небольшое, и мы прикрыли, и пулеметчики с базы постарались... Отпугнули «духов»...

– Это с тех пор ты со старшим лейтенантом...

– С тех пор... За нами «Шмель»⁸ на базу выслали... У нас у самих семеро раненых после этого боя, я и Раскатова приказал грузить... Он еще в нашем лазарете сутки лежал, я навещать ходил, потом за ним свои прилетели...

– И что? – спросил Астамир.

– А ничего... – Умар взял в руки щуп. – Пошли...

Последний, самый трудный участок они шли очень долго. Но миновали его благополучно. Теперь до лагеря оставалось только полтора километра вниз по склону. Там прямо из склона чистый ключ бил и образовывал ручей. Чуть в стороне еще три ключа вырывались, и потом все четыре в один первый вливались. И ручей стекал к большому нижнему ручью, в трех местах образуя небольшие, по метру с небольшим в ширину водопады...

Когда ручей донес до чутких ушей Астамира свою мелодию, со стороны послышался и другой звук. Очень даже характерный и узнаваемый. Звук приближался быстро.

– Вертолет... – сказал Астамир.

– Быстро же старший лейтенант Раскатов соображает... Быстро работает, даже я от него такого не ожидал... – заметил Умар. – Думал, возраст ему помешает, штабная работа... А он... Не только трубку найти смог и сообщить, он еще и вертолет каким-то образом лететь ночью заставил... Они у нас не любят по ночам летать... Это в Афгане постоянно летали... А мой старлей сюда афганские замашки привносит... Ох, доберется он до нас... Доберется...

– Где же они высадятся? – сам себя спросил Астамир.

– Это уже к тебе вопрос, – заметил отец. – Слушай внимательно... Вертолет звуки кругом разносит, это не «динозавр» на дороге... Не ошибись...

– Летят в сторону перевала...

– Главное, не сторона, куда летят, главное, где разворачиваться будут... Высадятся, потом будут разворачиваться... Слушай... Тон двигателя сменяет, значит, завис – десантируются... Слушай... Точку следует определить...

2. ЭТО НЕ АФГАН, ЭТО ЧЕЧНЯ...

Дежурный по управлению выслушал краткий доклад полковника. Дежурному и не нужно было знать подробностей. Хотя это дело и не входило в состав секретных операций ГРУ, тем

⁸ «Шмель» – вертолет.

не менее лишнего здесь говорить никогда не рекомендовалось. Но дежурный и так все понял и сообразил, чего хочет Раскатов.

– Сразу с начальником соединять? Он дома сейчас... Звонил недавно...

– Сразу...

– У него два телефона... Можно в закрытом режиме, можно в открытом...

– На кой леший мне закрытый режим, если я с простого бандитского мобильника звоню... – Василий Константинович показал, что он слегка нервничает.

– Вызываю...

Абонент не ответил. И на связь снова вышел дежурный:

– Наверное, генерал с собакой гулять ушел... Они вместе с женой обычно ходят... Вечерний моцион... Это часа на два... Давай я тебя с командующим соединю?

– Давай... Это тоже вариант...

Командующий войсками спецназа ГРУ сам может принять решение, не дожидаясь, пока нагуляется собака начальника диверсионного управления.

– Слушаю, что там у тебя... – сразу отозвался полковник Мочиллов, словно трубку уже в руках держал.

– Вечер добрый, Юрий Петрович... Или недобрый вечер... Скорее уж недобрый...

– Ночь уже... – заметил Юрий Петрович. – Если она и недобрая, все равно – ночь... Правда, я еще не сплю... Кто это? Я думал, дежурный...

– Раскатов...

– Да, Василий Константинович... Нормально добрался? – Юрий Петрович был знаком с причиной командировки Раскатова и даже давал в поездку свои напутствия. Все-таки спецназ – это его прерогатива и его забота.

– Если бы добрался... – Раскатов начал заново объяснять ситуацию. Более подробно, чем дежурному, с деталями...

– И что? – поинтересовался Мочиллов. – Какие предложения?

– Во-первых, хотелось бы как-то связаться с майором Макаровым. Чтобы он со своим отрядом сюда выступил... Банду надо блокировать, пленным выручать...

– В этом не будет, думаю, задержки... Банду и без пленных надо блокировать. Байсаров уже давно на слуху, хотя он из берлоги редко выбирается... Это решим. А во-вторых?

– А во-вторых, Юрий Петрович, я твоих указаний жду...

– Нормальный ход... – Мочиллов даже засмеялся. – Хочешь, чтобы я отсюда командовал... Мне это нравится... Значит, с Макаровым я сейчас прикажу связаться... На этот номер он тебе позвонить может?

– Может... Если только деньги на счету есть... Моя трубка у бандитов осталась. Я себе новую добыл... Бандитская трубка... Пусть что-нибудь сюда срочно перечислят... На номер... Я номер не знаю, но у тебя он должен определиться... У меня в запасе еще две трубки есть, но я пока одной пользуюсь...

– Понял. Прикажу сделать срочно... С РОШем я тоже сейчас свяжусь... В разведуправлении наверняка тревожная группа сидит... Там же, у них, на полевых испытаниях наш человек – из управления космической разведки... Может быть, они чем-то помогут... Карты у тебя, я полагаю, на руках нет, и квадрат указать не можешь...

– Только ориентир... Первый перевал на дороге... Я даже не знаю, будут ли дальше перевалы... Но отсюда, кажется, шестьдесят верст до батальона, где Макаров стоит... Так командир конвоя говорит, когда в гору взбираться стали...

– Понял... Найдем... Жди подкрепления на месте, чтобы тебя искать не пришлось...

– Я бы хотел начать самостоятельный поиск...

– И они потом будут вести самостоятельный поиск? Не зная, в какую сторону идти?

Здесь полковник Мочиллов был стопроцентно прав...

– Понял... Я выхожу на дорогу через перевал... Буду на самом верху...

– Кстати, Василий Константинович... За Макаровым на все время пребывания там нашими усилиями вертолет закреплен... Можно сказать без скромности, что моими личными усилиями... Личные старые связи в вертолетном полку... Если будет возможность, если вертолетчики не вдрабадан пьяные, Макаров заставит их полететь в любой обстановке... Он парень чрезвычайно крутой... Значит, они очень быстро придут... Ты жди... И связи жди... Может быть, с управлением космической разведки что получится... Я сам сейчас, если жена бить не будет, в управление выеду... Она у меня крутая, не хуже Макарова...

* * *

Как ни хотелось Василию Константиновичу проявить свои качества усиленной боевой единицы, он вынужден был признать правоту командующего войсками спецназа ГРУ полковника Мочилова, некогда своего прямого командира, а сейчас еще и заместителя начальника диверсионного управления. Без конкретных указаний полковника Раскатова майор Макаров мало что сможет сделать... Не телефонных указаний... Пальцем надо будет ткнуть... Он просто пойдет не в ту сторону, куда идти следует... Может быть, начнет преследование не джамаата, а тех боевиков, что ушли с мирными жителями. А потом отыскать следы джамаата Байсарова будет уже гораздо сложнее...

Легко смирившись с невозможностью стать гордым героем-одиночкой, мстителем и спасителем в одном лице, Раскатов двинулся в обратную дорогу в сторону перевала. Ждать, как он понимал, лучше всего на открытом месте. Там, на вершине перевала, в самой седловине, было место, где вертолет сможет зависнуть так, чтобы удобно было провести быстрое десантирование. «Задняя память» – необходимая вещь для каждого военного разведчика! – это место рисовала во всех деталях.

Еще до того, как полковник добрался до дороги, ведущей к вершине перевала, подала голос трубка мобильного. Раскатов сразу убавил громкость звонка до минимального слышимого, потом, подумав, вообще выключил две остальные трубки, чтобы не сбивали его своими возможными вызовами. И только после этого ответил:

– Слушаю...

Себя при этом аккуратно не назвал, потому что звонить могли погибшему боевику, хозяину мобильного.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Майор Макаров... – раздался энергичный хрипловатый голос.

– Здравствуй, майор... Здравия мне сейчас как раз очень даже и не хватает... Голова начинает потрескивать... Контузия после взрыва БТРа... Извини уж за жалобу, просто к слову пришлось... Тебе объяснили ситуацию?

– Полковник Мочиллов звонил... Сам... Что знал, сказал...

Василий Константинович был мало знаком с майором Макаровым. Как-то встречался с ним во время командировки в бригаду, потом в Москве виделись, куда Макарова вызывали по какому-то поводу, кажется, на награждение. И даже не помнил точно, как майора зовут, хотя помнил его квадратный силуэт. Такие широченные плечи у человека среднего роста не запомнить трудно.

– Юрий Петрович мало знает... Срочно нужно пленных выручать... Иначе уведут их, потом не сыскать...

– Да, по горячим следам легче... – согласился Макаров.

– Тебя, кажется, Сережей зовут?

– Сережей...

Голос Макарова, как показалось Василию Константиновичу, мало подходил к этому имени. Имя мягкое, а голос жесткий, рубленные слова, уверенная манера их произнесения.

– Вылететь, Сережа, когда сможешь?

– Вертолетчики, козлы, плачут... Ночных полетов боятся... В прошлом месяце у них в отряде одна машина разбилась... За вершину елки винтом зацепилась... И вместо того, чтобы елку сломать, она винт, дура, сломала... Сейчас пойду пилотов обламывать... Не беспокойтесь, товарищ полковник, обломаю...

– В Афгане, помнится, каждую ночь летали... Там специальные рейсы были... Так вертолетчиков и звали «ночными охотниками»...

– Сейчас, кажется, вертолет такой есть... – заметил Макаров. – Но он не для наших хилых пилотов... Где вас искать, мне Юрий Петрович объяснил... Перевал по дороге только один. Найти не сложно... Луна яркая... Не заблудимся... Снимаю сейчас половину отряда – они уже готовы, и вылетаем... Ждите...

– Почему только половину?

– Сколько в вертолет поместится... Вторая половина – вторым рейсом... Лететь минут десять-пятнадцать... Столько же, видимо, собираться вертолетчикам... Максимум через полчаса будем... Если найдете чем посигналить, посигнальте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.